

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности

(код и наименование направлению подготовки / специальности)

Уголовно-правовая

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)

на тему «Процессуальное положение подозреваемого в уголовном процессе»

Обучающийся

В.В. Малышев

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

А.Р. Тахаутдинова

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2023

Аннотация

Актуальность данной работы заключается в том, что вопрос о процессуальных правах подозреваемого, их достаточности, наличии возможности их реализации, привлекает исследователей, правоприменителей и законодателя на протяжении многих лет. Немало дискуссий посвящено основаниям признания лица подозреваемым, избранию в отношении него мер процессуального принуждения. Все это свидетельствует о необходимости дальнейших исследований рассматриваемой темы.

Целью работы выступает разработка на основе анализа действующего российского уголовно-процессуального законодательства, а также правоприменительной практики, положений, направленных на совершенствование процессуального статуса подозреваемого в уголовном судопроизводстве.

Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи:

- провести исторический анализ развития процессуального статуса в российском уголовном процессе
- рассмотреть современное понятие подозреваемого как участника уголовно-процессуальных отношений;
- проанализировать возбуждение уголовного дела и уведомление о подозрении как основания введения лица в статус подозреваемого;
- охарактеризовать задержание подозреваемого и избрание меры пресечения как основания введения лица в статус подозреваемого;
- охарактеризовать права и обязанности подозреваемого при производстве следственных действий;
- выявить проблемы обеспечения прав подозреваемого при применении к нему мер уголовно-процессуального принуждения.

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования, и состоит из введения, трех глав, шести параграфов, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Понятие подозреваемого в уголовном процессе: теоретико-исторический анализ	7
1.1 Исторический анализ развития процессуального статуса в российском уголовном процессе	7
1.2 Современное понятие подозреваемого как участника уголовно-процессуальных отношений	11
Глава 2 Основания наделения лица статусом подозреваемого: проблемные аспекты	19
2.1 Возбуждение уголовного дела и уведомление о подозрении как основания наделения лица статусом подозреваемого	19
2.2 Задержание подозреваемого и избрание меры пресечения как основания введения лица в статус подозреваемого	26
Глава 3 Некоторые особенности и проблемы реализации процессуального статуса подозреваемого	44
3.1 Права и обязанности подозреваемого при производстве следственных действий	44
3.2 Права и обязанности подозреваемого при применении к нему мер процессуального принуждения	59
Заключение	69
Список используемой литературы и используемых источников	73

Введение

Вопросы, связанные с обеспечением прав лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, в последние годы привлекают все большее внимание исследователей, что вполне объяснимо построением в России правового государства и провозглашением прав и свобод человека высшей ценностью.

Уголовно-процессуальная деятельность в силу ее специфики всегда сопряжена с определенными ограничениями, обуславливаемыми процессуальными статусами отдельных ее участников. И крайне важно, чтобы такие ограничения были необходимыми, а не излишними, и четко регламентировались законодательством. Поэтому уголовно-процессуальное законодательство определяет комплекс прав для каждого участника судопроизводства, которые не могут быть ограничены произвольно, и обеспечиваются различными средствами, в том числе, и законодательно определенными обязанностями других участников уголовного процесса.

Подозреваемый – значимая фигура в уголовном судопроизводстве, поскольку успешным расследование без определения лица, причастного к совершению преступления, быть не может. Однако, недостаточно просто высказать предположение о том, что преступление совершено определенным лицом, и признать его виновным, необходимо последовательно реализовывать уголовное преследование, осуществляя действия, направленные на получение доказательств вины конкретного лица в совершении преступления. Для того, чтобы иметь возможность защищаться от изобличительной деятельности, опровергать доводы органов расследования, добиваться производства объективного и всестороннего расследования, подозреваемому предоставляется комплекс прав, которые он приобретает с момента приобретения соответствующего процессуального статуса при наличии к этому оснований. В сфере правового регулирования и реализации прав подозреваемого просматривается значительное количество проблем, в частности, до настоящего времени идут споры среди исследователей и

правоприменителей по поводу возможности реализации лицом прав подозреваемого до официального введения его в соответствующий статус, а с момента фактического подозрения, по поводу достаточности прав у подозреваемого и гарантий их реализации. Все это свидетельствует об актуальности выбранной темы.

Степень разработанности темы исследования. Вопросы, связанные с обеспечением в уголовном судопроизводстве прав личности в целом и прав подозреваемого в частности, в последние годы привлекают все больше внимания в процессуальной науке. Однако, неверным было бы утверждать, что все проблемные вопросы разрешены и отсутствует необходимость дальнейших исследований данной темы.

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в сфере уголовного судопроизводства в связи с обеспечением прав подозреваемого. Предметом исследования являются правовые нормы, регламентирующие статус подозреваемого, научные изыскания по теме исследования, а также материалы правоприменительной практики.

Цель исследования состоит в разработке на основе анализа действующего российского уголовно-процессуального законодательства, а также правоприменительной практики, положений, направленных на совершенствование процессуального статуса подозреваемого в уголовном судопроизводстве.

Задачи исследования:

- провести исторический анализ развития процессуального статуса в российском уголовном процессе
- рассмотреть современное понятие подозреваемого как участника уголовно-процессуальных отношений;
- проанализировать возбуждение уголовного дела и уведомление о подозрении как основания введения лица в статус подозреваемого;

- охарактеризовать задержание подозреваемого и избрание меры пресечения как основания введения лица в статус подозреваемого;
- охарактеризовать права и обязанности подозреваемого при производстве следственных действий;
- выявить проблемы обеспечения прав подозреваемого при применении к нему мер уголовно-процессуального принуждения.

Методология исследования. Методологическую основу работы составляют общенаучные методы: метод системного анализа, посредством которого изучены основные положения законодательства о статусе подозреваемого; обобщение нормативных, научных и практических материалов, позволившее провести комплексный анализ рассматриваемой проблемы; исторический метод, с помощью которого раскрыты особенности развития и становления законодательства, регулирующего эволюцию процессуального статуса подозреваемого; частно-научные методы: логистический, технико-юридический и другие, позволившие выявить проблемы в рассматриваемой сфере и предложить способы их решения.

Теоретическую базу исследования составили труды таких авторов, как И.М. Абзалиев, Н.В. Азаренок, В.Н. Григорьев, В.Г. Дикарев, О.А. Зайцев, А.В. Павлов, В.Б. Пименов и др.

Нормативная база исследования представлена положениями международно-правовых актов, Конституции Российской Федерации, Уголовно-процессуального кодекса, иных правовых источников, регламентирующих процессуальный статус подозреваемого и вопросы обеспечения его прав.

Эмпирическую базу исследования составили материалы правоприменительной практики по вопросам обеспечения прав подозреваемого.

Структура работы состоит из введения, двух глав, включающих пять параграфов, заключения и списка использованных источников.

Глава 1 Понятие подозреваемого в уголовном процессе: теоретико-исторический анализ

1.1 Исторический анализ развития процессуального статуса в российском уголовном процессе

Анализируя понятие подозреваемого и его процессуальный статус, видится необходимым прежде всего раскрыть особенности эволюции правового регулирования его прав и обязанностей. Исследователями по данному вопросу единой позиции нет, в связи с чем, существуют различные классификации периодов становления института подозреваемого в России.

Так, некоторые исследователи отмечают, что следует выделить «три периода развития процессуального статуса подозреваемого:

- предпосылочный, который начинается с принятия Екатериной II «Учреждения для управления губерний», когда закон стал упоминать такого участника уголовного процесса, который мог содержаться под стражей до предъявления обвинения, и продолжался до 1860 года. В данный период были созданы предпосылки появления такой процессуальной фигуры, как подозреваемый;
- формальный, берущий свое начало с 08 июня 1860 года, когда впервые в «Учреждении судебных следователей», а также в «Наказе судебным следователям», «Наказе полиции о производстве дознания по происшествиям, могущем заключать в себе преступление или проступок», были закреплены основания привлечения лица в качестве подозреваемого. Данный период продлился до 1961 года, поскольку все последующие процессуальные законы особых новшеств в регулирование статуса подозреваемого не вносили;

- период качественных изменений, начавшийся при введении в действие УПК РСФСР 1961 г. и продолжающийся до настоящего времени» [17, с. 38].

Существуют предложения и по поводу более дробной классификации исторических периодов развития процессуального статуса подозреваемого. Так, Ю.Б. Чупилкиным [80, с. 9] было предложено выделить шесть основных этапов:

- Этап зарождения и развития, связанный с принятием «Краткого изображения процессов и судебных тяжб» 1715 г., который продлился до 1801 г. На данном этапе лицо, находящееся под подозрением, не обладало абсолютно никакими правами, а для получения доказательств его причастности к совершению преступления применялись абсолютно любые методы, в особенности, пытки, которые рассматривались как основной способ получения «правдивых» показаний.
- Этап с 1801 по 1860 гг., когда пытка официально отменялась, а Свод законов закрепил такой вид приговора, как приговор об оставлении в подозрении.
- Этап с 1860 по 1937 гг., когда законодательные акты содержали упоминание о подозреваемом лице как о задержанном или подвергнутом мере пресечения до предъявления обвинения. Таким образом, фактически были урегулированы лишь основания наделения лица статусом подозреваемого, но комплекс его прав законом не регулировался.
- Этап с 1937 по 1959 гг., характеризующийся исключением такого участника уголовного судопроизводства, как подозреваемый.
- Период с января 1959 г. по 1990 г., в соответствии с которым вновь появляется такой участник уголовного судопроизводства, как подозреваемый, которому был предоставлен определенный комплекс прав, в том числе, и право на защиту от выдвинутого

подозрения. Как отмечают исследователи, в это время подозреваемый начинает выступать в качестве полноправного субъекта уголовно-процессуальных отношений.

- Этап с начала 90-х гг. по настоящее время, для которого характерно существенное расширение прав подозреваемого и доведение его статуса до международных стандартов.

На наш взгляд, видится целесообразным выделение нескольких основных аспектов, связанных с развитием правового статуса подозреваемого. Впервые обозначение рассматриваемого участника уголовного судопроизводства в правовом источнике просматривается в законодательном акте «Краткое изображение процессов или судебных тяжб», принятом Петром 1 в 1715 г., в котором такой термин, как подозреваемый, не использовался, однако были определены некоторые основания для формирования подозрения [41, с. 48]. Первым российским правовым источником, использующим термин «подозреваемый», выступил «Наказ полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступление или проступок». Затем длительное время в регламентации правового статуса подозреваемого практически никаких изменений не было, и лишь в УПК РСФСР 1961 г. нашел свое закрепление процессуальный статус подозреваемого, обладающий существенным сходством с современным [38, с. 36].

После распада СССР российское государство взяло курс на развитие в соответствии с международно-правовыми стандартами, что нашло свое отражение в положениях Конституции Российской Федерации [28], а также в принятом в 2001 году Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации [73], который уделил значительное внимание регулированию правового статуса подозреваемого, приведя его законодательное определение, а также определив круг основных прав и обязанностей данного участника уголовного судопроизводства, которые преимущественно сосредоточены в одной норме, посвященной именно подозреваемому, а также в ряде иных норм

УПК РФ, посредством которых осуществляется регламентация отдельных следственных и процессуальных действий.

В доктрине уголовно-процессуального права долгое время не было единого подхода к рассмотрению понятия «подозреваемый», в связи с чем и на законодательном уровне долго не могли выработать его юридическую форму. Современное уголовно-процессуальное законодательство РФ определяет подозреваемого в качестве лица, в отношении которого было возбуждено уголовное дело, либо которое было задержано по подозрению в совершении преступления, либо к которому была применена одна из мер пресечения до предъявления ему официального обвинения, либо которое получило уведомление по подозрению его в совершенном преступлении.

Однако, несмотря на наличие легального определения подозреваемого в УПК РФ, в научной литературе были предложены различные подходы к его определению. В частности, по мнению А.П. Кругликова, «подозреваемым следует считать лицо, в отношении которого следователь (дознатель) по уголовному делу выдвинул и изложил в определенных процессуальных документах обоснованное предположение о совершении этим лицом преступления и предпринял действий, направленные на его разоблачение» [29, с. 103].

Еще в советский период Л.М. Карнеевой была высказана позиция о том, что «пока подозрение является лишь субъективной точкой зрения следователя, не находящее выражение в соответствующем процессуальном документе и не затрагивающее интересы «заподозренного» лица, то невозможно поставить вопрос о наделении последнего определенными процессуальными правами» [19, с. 36].

Из анализа приведенных определений следует вывод о том, что преимущественно исследователи опираются на необходимость наличия достаточных данных для предположения о причастности лица к совершению преступления, на наличие оснований «полагать, что человек совершил преступление». То есть, основополагающим, по мнению исследователей,

является наличие доказательств, подтверждающих причастность лица к совершению преступления. Но вряд ли такой подход следует признавать верным, поскольку далеко не всегда к моменту подозрения удастся собрать достаточное количество доказательств для того, чтобы сделать предварительный вывод о причастности лица к совершению преступления. Более того, представляется, что если базироваться при определении подозреваемого на достаточности доказательств, то можно допустить смешение таких понятий, как подозреваемый и обвиняемый. Поэтому, на наш взгляд, при определении подозреваемого следует вести речь лишь о достаточности оснований предполагать, что лицо может являться причастным к совершению преступления, и наличие статуса подозреваемого у такого лица необходимо для того, чтобы оно имело возможность законными средствами защищаться от подозрений, иметь определенный комплекс прав в противовес правам субъекта уголовного судопроизводства, возникающим у них при реализации функции уголовного преследования.

Подводя итог, видится возможным сделать следующие выводы. Анализ эволюции в России института подозреваемого позволяет сделать вывод о том, что его становление прошло длительный путь, от практически полного отсутствия прав у лица, заподозренного в совершении преступления, до современного широкого комплекса прав. В настоящее время подозреваемый – это полноценный, самостоятельный участник уголовного процесса.

1.2 Современное понятие подозреваемого как участника уголовно-процессуальных отношений

Каждый подозреваемый, получив соответствующий статус в установленном законом порядке, приобретает определенные права, при этом, крайне важным является вопрос и о правовом регулировании таких прав, и об обеспечении возможности их реализации. Правовое регулирование деятельности по обеспечению прав и свобод подозреваемого по уголовному

делу представлено несколькими уровнями правовых источников. К числу актов первого уровня следует относить международно-правовые, посредством которых определены общие положения о правах лиц, подвергающихся уголовному преследованию. Механизмы защиты прав и свобод человека многообразны, поскольку представлены закреплением соответствующих гарантий в таких межгосударственных документах, как конвенции, декларации, договоры, соглашения и т.д., действующими на их основе организациями и их органами, реальным применением норм и принципов международного права, контролем реализации норм международного права в области прав человека, процедурами рассмотрения тех или иных споров. Международные механизмы защиты прав и свобод действуют как на уровне мирового сообщества, — прежде всего в рамках ООН, так и на ином многостороннем уровне (Совет Европы, СНГ, зарождающийся Евразийский союз и т. д.). Всеобщая декларация прав человека и другие международные нормы о правах человека носят универсальный характер [13]; [26]; [27]; [31]. Именно международными актами провозглашаются основные принципы, такие, как запрет на унижение чести и достоинства личности, нарушение основных личных прав – на неприкосновенность жилища, личности, на признание лица виновным иначе как по приговору суда, право на защиту и т.д.

Второй уровень представлен положениями Конституции Российской Федерации, которая признает высшей ценностью права и свободы человека и возлагает на государство обязанность защиты данных прав, а также определяет основные гарантии личности, в том числе, и в уголовном судопроизводстве. В частности, определяется, что задержанию до судебного решения лицо может быть подвергнуто не более чем на 48 часов, а заключение под стражу допускается только по судебному решению (ст. 22), указывается и на возможность ограничения конституционных прав граждан не иначе как по судебному решению.

Конкретизируются права и в федеральных законах, прежде всего, в УПК РФ, где, как уже отмечалось, предусматривается полный перечень прав

подозреваемых, а обязанности по их обеспечению возлагаются на лиц, осуществляющих уголовное преследование. В том случае, если будут допущены нарушения данных обязанностей, должностные лица органов расследования подлежат ответственности, в том числе и уголовной, если для этого имеются достаточные основания.

Особо следует обратить внимание на тот факт, что согласно ст. 6 УПК РФ в качестве одного из назначений уголовного судопроизводства выступает защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Поэтому многими авторами обеспечение прав подозреваемого признается реализацией назначения уголовного судопроизводства [70, с. 134]. Вопросы, связанные с назначением уголовного судопроизводства, привлекают внимание многих авторов, которые критически оценивают законодательные формулировки. В частности, можно обратить внимание на мнение Л.М. Володиной о том, что было бы целесообразнее законодателю выражать мысль о назначении уголовного судопроизводства гораздо точнее, поскольку существующая формулировка не позволяет в полной мере понять, о какой защите идет речь. При этом, защиту участников уголовного процесса от ошибок должностных лиц и от их злоупотреблений, необходимо рассматривать в качестве одного из средств достижения цели [12, с. 86].

Задачи уголовного судопроизводства закон не закрепляет, и это создает существенные сложности в определении механизма обеспечения справедливого правосудия, и, соответственно, в определении механизма обеспечения прав подозреваемого. Конечно, вряд ли можно с уверенностью утверждать, что закрепление задач уголовного судопроизводства разрешит проблемы, связанные с обеспечением прав подозреваемого, поскольку действенность нормы не вытекает непосредственно из декларативного закрепления определенных положений. Однако, эффективное нормативно-правовое регулирование всегда способствует совершенствованию правоприменительной практики.

Также в УПК РФ можно найти и массу иных положений, совокупность которых представляет собой нормативно-правовое обеспечение прав подозреваемых в уголовном судопроизводстве. Проанализируем основные из них. В ст. 46 УПК РФ четко определен перечень оснований, когда лицо может быть признано подозреваемым, таким образом, закон определяет, что ни в каком ином случае лицо не может рассматриваться как подозреваемое и подвергаться в связи с этим ограничениям. В ст. 91 УПК РФ предусмотрены исчерпывающие основания задержания лица по подозрению в совершении преступления, установлен предельный срок задержания, который не может превышать не при каких обстоятельствах. Аналогичным образом закреплены и основания избрания мер пресечения, применения мер процессуального принуждения, определен порядок их применения и избрания, а также сроки, на которые они могут быть применены.

Закрепление процессуального статуса подозреваемого, а также ряда положений, связанных с вопросами его приобретения и утраты законодатель осуществляет на уровне федерального кодифицированного закона в силу того, что получение лицом рассматриваемого статуса обуславливает при этом и возможность применения различных ограничений общих гражданских прав, в тех пределах, в которых это необходимо. Такие ограничения не допустимы никаким иным образом, только федеральное законодательство может вводить их для обеспечения прав иных граждан и интересов государства и общества.

Подозреваемый – это особый участник правоотношений, он еще не признан виновным в совершении преступления, однако, уже возможно применение к нему отдельных принудительных мер, нацеленных на достижение интересов правосудия. Но только на соответствующих основаниях и в установленном законом порядке. Поэтому правовое регулирование таких ограничений, обязанностей подозреваемого, не менее важно, чем регламентация его прав.

Согласимся с исследователями, полагающими, что принятие действующего УПК РФ стало логическим результатом социально-

политических и экономических реформ, поскольку он воспроизвел значительное количество конституционных прав и свобод, признав их принципами уголовного процесса. Они выступают в качестве базы для регламентации отдельных ограничений, которые вынужден претерпевать подозреваемый, оказавшись в роли лица, подвергаемого уголовному преследованию. УПК РФ закрепляет конституционные права, но не абсолютно в том же виде, котором они регламентированы Основным законом, а детализируя их, дополняя или ограничивая. Так, например, право на защиту, которое гарантирует Конституция РФ в ст. 48, находит свою детализацию в ст. 46-53 УПК РФ. Данные нормы подробно регламентируют вопросы, связанные с обеспечением подозреваемому права на защиту, определяя, каким образом защитник приглашается для защиты прав подозреваемого, в каком случае и каким образом может быть назначен защитник, а при необходимости заменен. Регламентация прав подозреваемого в уголовно-процессуальном законе также представляет собой детализацию конституционных гарантий. В качестве примера ограничения конституционных прав подозреваемого уголовно-процессуальным законодательством надлежит рассматривать нормы, посредством определяются случаи, в которых можно ограничить его права, например, при применении мер процессуального принуждения, производстве в отношении подозреваемого некоторых следственных действий (например, освидетельствования).

Можно отметить, что в настоящее время просматривается два варианта дальнейшего развития правового механизма эффективного обеспечения прав и законных интересов лиц, которые подвергаются уголовному преследованию. Первый из них сводится к тому, что требуется увеличить число оснований введения лиц в статус подозреваемых. Некоторые исследователи полагают, что в настоящее время возникла необходимость расширить перечень оснований, по которым лицо должно быть признано подозреваемым, отнеся сюда, к примеру, совершение действий в отношении лица, направленных на изобличение его в причастности к преступлению [68, с. 176]. Однако, мы

данную позицию не разделяем, полагая, что необходимость в расширении таких оснований не будет способствовать повышению эффективности обеспечения прав подозреваемых. Представляется, что напротив в таком случае у органов уголовного преследования появится больше возможностей применять меры, ограничивающие конституционные права, обладающие принудительным характером, в том числе и к тем лицам, для введения которых в статус подозреваемого имеющихся сейчас оснований недостаточно.

Второй подход основан на том, чтобы предоставлять лицам, подвергающимся фактически уголовному преследованию (к примеру, когда у него отбирают образцы для исследования, ставят перед ним вопросы о причастности к совершению преступления и т.д.), но не имеющим статус подозреваемого, более широкие права, позволяющие им фактически реализовывать деятельность по защите себя от подозрений.

Анализ недавних изменений в уголовно-процессуальном законодательстве свидетельствует о том, что одновременно реализуются оба подхода, но представляется, что следует сосредоточить внимание именно на развитии второго, что позволит более действенно обеспечивать права лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство.

Также отметим, что федеральный уровень обеспечения механизма прав подозреваемых не исчерпывается одним лишь УПК РФ, поскольку и нормы иных федеральных законов также в определенной степени регламентируют правовой статус подозреваемых. В частности, можно назвать Федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [74], нормами которого регулируются вопросы содержания под стражей лиц, подозреваемых в совершении преступления, а также тех, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Данным законом устанавливается определенный режим для таких лиц, единый для всех, который предусматривает наличие определенного комплекса прав у подозреваемых, и определенные ограничения, единые для всех.

Таким образом, в действующем уголовно-процессуальном законодательстве, впервые за всю отечественную историю, институт подозреваемого является наиболее упорядоченным. Данный участник уголовного судопроизводства практически приравнен по своему правовому статусу к обвиняемому, однако, признать правовое регулирование такого участника совершенным и сейчас невозможно. В частности, до настоящего времени так и не выработано единое понятие подозреваемого в научной литературе, а закрепленное законодателем представляется излишне сложным и не отражающим всей сущности данного участника уголовного судопроизводства. Именно отсутствие четкого и легального определения, как представляется, приводит и к несогласованности в правоприменительной практике, и к продолжающимся спорам среди исследователей, что, в свою очередь, негативно сказывается и на обеспечении прав подозреваемого.

Видится необходимым законодательно закрепить понятие подозреваемого, опираясь при этом не на основания введения лица в статус такового, а на содержание его правового статуса, обусловленного спецификой данного субъекта – постановкой его под подозрение, осуществлением в отношении него уголовного преследования в определенных пределах, ограниченных целью реализации данной деятельности, которая заключается в проверке выдвинутого подозрения и принятия решения либо о введении данного лица в статус обвиняемого, либо в прекращении в отношении него уголовного преследования.

Нормативно-правовое обеспечение прав подозреваемого в уголовном судопроизводстве представляет собой совокупность положений правовых актов разного уровня, определяющих процессуальное положение данного участника уголовного судопроизводства, комплекс его прав, обязанностей, отдельные ограничения, необходимые для обеспечения реализации правосудия.

Исходя из содержания данного определения, следует учитывать, что введение лица в статус подозреваемого преследует в качестве основной цели

не ограничение прав и свобод данного лица, а обеспечение его соответствующими правами, что в целом отвечает назначению уголовного судопроизводства, которое представлено двумя аспектами: как защитой пострадавших от преступления, так и защитой лиц, подвергающихся уголовному преследованию. Поэтому видится неверной позиция тех исследователей, считающих, что в настоящее время совершенствование нормативно-правовой базы обеспечения прав и свобод подозреваемого должно включать в себя расширение оснований признания лица подозреваемым. Определяющим здесь должно стать стремление законодателя:

- четко, не допуская различных толкований, закрепить исчерпывающий перечень прав подозреваемого в отдельной норме УПК РФ;
- применительно к правам подозреваемого, должны быть закреплены и корреспондирующие обязанности лиц, осуществляющих уголовное преследование;
- проработать действенный механизм обеспечения реальной возможности использования всех тех прав, которые декларативно принадлежат подозреваемому.

Некоторые шаги по повышению эффективности обеспечения прав подозреваемых в уголовном судопроизводстве предприняты в настоящее время, в частности, предусмотрена возможность пользоваться услугами защитника не с момента приобретения лицом статуса подозреваемого, а с того момента, когда в отношении лица производятся конкретные избобличающие действия. Однако, их явно недостаточно, необходимо решать различные проблемы, возникающие в связи со сложностями реализации прав подозреваемыми в различных правоотношениях с органами расследования – при применении мер процессуального принуждения, производстве следственных и процессуальных действий с подозреваемым.

Глава 2 Основания наделения лица статусом подозреваемого: проблемные аспекты

2.1 Возбуждение уголовного дела и уведомление о подозрении как основания наделения лица статусом подозреваемого

Из действующего определения подозреваемого, содержащегося в ст. 46 УПК РФ, следует, что в качестве такового рассматривается лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело. Для того, чтобы составить представление о введении лица в статус подозреваемого в силу рассматриваемого основания, необходимо определиться, каким образом принимается решение о возбуждении уголовного дела в отношении лица. Прежде всего, для возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица, требуется наличие соответствующего повода. Их исчерпывающий перечень приведен в ст. 140 УПК РФ. Однако, помимо повода, должно иметься и основание для возбуждения уголовного дела – наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. В том случае, когда в распоряжении следователя или дознавателя имеются повод и основание, принимается решение о возбуждении уголовного дела.

Из анализа ч. 4 ст. ст. 146 УПК РФ можно сделать вывод о том, что она содержит два важных положения: после того, как принято решение о возбуждении уголовного дела, копия должна направляться прокурору незамедлительно; если прокурор решение о возбуждении уголовного дела незаконным и необоснованным, он имеет право отменить это решение. При этом, возникают вопросы, связанные с тем, с какого же конкретного момента лицо является подозреваемым.

Проанализируем, как происходит принятие решения. Дознаватель, следователь, после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, направляет его и материалы, собранные в ходе доследственной проверки, прокурору, прилагая статистическую карточку формы № 1, которую прокурор

должен подписать, согласившись таким образом с принятым решением [65]. Прокурор либо может признать решение законным, либо отменить его. Основания отмены могут быть различны, но в целом все сводятся к нарушениям законности. Например, «проверяя законность постановления о возбуждении уголовного дела дознавателем, вынесенного по факту хищения открытого имущества И. из магазина «Пятерочка», прокурор установил, что И. прошел мимо кассы с неоплаченной бутылкой вина, не реагируя на требования продавца оплатить товар, вышел из магазина, но через несколько метров был задержан охранником. Прокурор отменил постановление о возбуждении уголовного дела, поскольку в действиях И. усматриваются признаки покушения на грабеж. После вынесения дознавателем постановления о возбуждении уголовного дела по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 161 УК РФ, прокурор признал данное решение законным, уголовное дело направлено впоследствии в суд, где прекращено за примирением сторон» [45].

Однако, могут иметь место и иные примеры, связанные с тем, что постановление о возбуждении дела принято безосновательно, поскольку не в полной мере произведена проверка по сообщению о преступлении, не установлены достаточные признаки состава преступления, и, соответственно, основание для возбуждения уголовного дела. «Дознавателем было принято решение о возбуждении уголовного дела по факту тайного хищения имущества путем свободного доступа по ч. 1 ст. 158 УК РФ в отношении Л. Обстоятельства дела, указанные в постановлении о возбуждении уголовного дела, были следующие. Л., увидев возле магазина велосипед, принадлежащий Т., и, убедившись, что за его действиями никто не наблюдает, сел на данный велосипед и скрылся на нем с места происшествия, причинив Т. ущерб на сумму 2600 рублей. Изучив материалы проверки по сообщению о преступлении, прокурор обнаружил, что стоимость велосипеда фактически указана лишь со слов заявителя, который оценил велосипед в данную сумму. При этом, из показаний Т. следовало, что данный велосипед он приобрел у своего знакомого Г. примерно за год до кражи за 3000 рублей, сколько лет

эксплуатировался велосипед, ему неизвестно, он был не новый, однако, находился в хорошем состоянии.

Прокурор отменил постановление о возбуждении уголовного дела, дав дознавателю указание произвести товароведческую судебную экспертизу для установления стоимости похищенного велосипеда на день кражи. Согласно заключению эксперта, стоимость велосипеда составила 950 рублей. В результате вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела» [37]. В данном случае, своевременное использование прокурором своих полномочий в рамках надзора за возбуждением уголовного дела, позволило ему не допустить незаконное уголовное преследование лица.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что лицо приобретает статус подозреваемого с того момента, как в отношении него вынесено постановление о возбуждении уголовного дела. Об этом следователь должен уведомить подозреваемого, последний имеет право получить копию постановления о возбуждении уголовного дела в отношении него. Также следует учитывать и тот факт, что постановление о возбуждении уголовного дела может быть отменено, такое полномочие имеют руководитель следственного органа и прокурор. Отмена указанного решения влечет за собой фактически и отмену статуса подозреваемого, поскольку он перестает быть лицом, в отношении которого возбуждено уголовное дело. О данном решении его также надлежит уведомить. После отмены постановления о возбуждении уголовного дела проводится дополнительная проверка, по итогам которой либо вновь выносится постановление о возбуждении уголовного дела (если оно принимается в отношении лица, то статус подозреваемого возникает в этот момент) либо постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

Существенно больше вопросов возникает в том случае, когда основанием введения лица в статус подозреваемого выступает уведомление о подозрении в совершении преступления. Посвященная ему ст. 223.1 появилась в УПК в 2007 году. Данное основание для введения лица в статус

подозреваемого предусмотрено исключительно при условии осуществления расследования в такой форме как дознание.

Уведомлению о подозрении в совершении преступления посвящена отдельная норма – ст. 223.1 УПК РФ. Из анализа ее содержания можно сделать ряд основных выводов: оно выносится только когда уголовное дело было возбуждено по факту совершения преступления и когда расследование производится в форме дознания, и когда удалось получить достаточные данные, дающие основание подозревать лицо в совершении преступления. Уведомление содержит сведения о его составлении (дату, время, лицо, вынесшее уведомление), а также данные подозреваемого, описание преступления и его квалификацию.

При сопоставлении ст. 223.1 и ч. 4 ст. 46 УПК РФ, содержащей перечень прав подозреваемого, усматриваются некоторые недостатки, в частности, в ст. 46 не указано право подозреваемого на получение уведомления о подозрении, в то время как ч. 4 ст. 223.1 УПК РФ такое право за подозреваемым закрепляет. Представляется, что законодатель просто забыл внести соответствующие изменения в п. 1 ч. 4 ст. 46 УПК РФ, поскольку все остальные акты, в соответствии с которыми лицо приобретает статус подозреваемого, в ней перечислены. Данный недостаток видится необходимым устранить, и закрепить соответствующее право в ст. 46 УПК РФ.

Еще один важный аспект – в соответствии со ст. 223.1 УПК РФ, предусматривается, что допрос лица, уведомленного о подозрении в совершении преступления, должен быть произведен в течение трех суток с момента вручения лицу уведомления. Такой срок нам представляется излишним. Если проанализировать такое основание введения лица в статус подозреваемого, как его задержание в порядке ст. 91 УПК РФ, то можно обнаружить, что здесь предусмотрено требование производства допроса такого лица в течение суток. Представляется, что этот подход наиболее верен, поскольку нет никаких оснований откладывать допрос подозреваемого, в силу того, что возможность дачи данным участником уголовного процесса

показаний – это один из основных способов реализации его конституционного права на защиту.

Кроме того, достаточно сложно понимать, по какой причине законодатель здесь предусмотрел такой излишний срок, на который можно отложить допрос подозреваемого. Фактически, когда составляется рассматриваемый акт, дознание уже обладает всей необходимой базой, подтверждающей причастность лица к совершению преступления. Как правило, для того, чтобы ввести лицо в статус подозреваемого именно данным образом, когда уголовное дело уже было возбуждено, расследование по нему проводится, доказательства вины лица в совершении преступления собраны практически в полном объеме. Можно даже говорить о том, что фактически уголовное преследование в отношении лица осуществляется, но скрыто. Уведомление же необходимо для того, чтобы ввести лицо в процессуальный статус, необходимый ему для реализации своих прав и обязанностей. Соответственно, требуется предоставить подозреваемому как можно скорее реализовать свое право на дачу показаний по поводу имеющегося в отношении него подозрения [72, с. 38].

Следует в рамках анализа обеспечения прав подозреваемых обратить внимание на еще один важный аспект – уведомление о подозрении предусмотрено исключительно в том случае, когда расследование производится в форме дознания. Если же уголовное дело было возбуждено по факту преступления следственным органом, то возникает проблема, каким образом ввести лицо в статус подозреваемого и, соответственно, обеспечить реализацию его права знать, в чем он подозревается, а также право давать показания.

Нередко данная необходимость игнорируется и осуществляются следственные и иные процессуальные действия в отношении лиц, которые формально подозреваемыми не являются, но фактически выступают в качестве таковых. Например, официально лицо, фактически задержанное до возбуждения дела, никаким статусом не обладает. Здесь вообще следует

обратить внимание на тот факт, что в рамках доследственной проверки лица, участвующие в уголовном судопроизводстве, не обладают никакими статусами, урегулирован только статус субъектов уголовного судопроизводства – лиц, производящих проверку по сообщению о преступлении и осуществляющих за данной деятельностью контроль и надзор.

Многие исследователи отмечают, что в уголовном судопроизводстве существует лицо, в отношении которого решается вопрос о возбуждении уголовного дела. Фактически, о данном участнике уголовного процесса закон ничего не говорит, но его наличие следует из анализа уголовно-процессуальных норм, правоприменительной практики и научной литературы. Например, в качестве такового можно рассматривать: лицо, которое заявило о явке с повинной; лицо, на которое указывают очевидцы, заявитель; лицо, от которого отбирается объяснение по поводу причастности его к совершению преступления [77, с. 18]. Фактически, это лицо, в отношении которого следователь, дознаватель осуществляют избличительную деятельность. Можно обнаружить некоторые упоминания о таком участнике доследственной проверки в ч. 2 ст. 148 УПК РФ, где указывается на подозрение в совершении конкретного преступления лиц еще до возбуждения уголовного дела, в п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ, где говорится о том, что одним из моментов, с которого защитник начинает участвовать в уголовном деле, является начало осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении (п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ).

Таким образом, очевидно, что требуется определение процессуального статуса лица, в отношении которого ведется проверка по сообщению. По поводу данного участника уголовного судопроизводства в науке имеются различные предложения, так, высказано мнение, что его следует рассматривать как лицо, в отношении которого решается вопрос о возбуждении уголовного дела, а также как заподозренного [4, с. 90].

Также имеется предложение определить заподозренного как лицо, в отношении которого выдвинуто предположение о его причастности к совершению правонарушения [10, с. 124]. Нам же представляется более целесообразным именовать его «лицо, в отношении которого ведется проверка о сообщении (заподозренный)». Комплекс прав и обязанностей такого лица должен быть близок к комплексу прав подозреваемого, но, соответственно, с определенными изъятиями, обусловленными спецификой стадии возбуждения уголовного дела. При этом, для того, чтобы данное лицо могло полностью реализовывать свои права и осознавать тот факт, что оно заподозрено в совершении преступления, необходимо предусмотреть соответствующее уведомление для данного лица о том, что в отношении него ведется проверка по сообщению о преступлении.

Основу процессуального статуса данного лица должны составлять такие права, как отказ от дачи объяснения, право на помощь адвоката. Регламентацию процессуального статуса данного лица предлагается осуществлять путем введения в УПК РФ ст. 46.1.

Таким образом, подводя итог, можно сделать следующие выводы.

Несмотря на то, что эволюция правового статуса подозреваемого продолжалась длительное время, расширялись основания введения лица в статус подозреваемого, представляется, что здесь имеются определенные недостатки. В частности, введя такое основание, как уведомление о подозрении, законодатель позволил использовать его ограничено – только в рамках дознания, а также создал ряд вопросов и противоречий, в частности, не предусмотрев право подозреваемого на получение данного уведомления в ст. 46 УПК РФ. Если уголовное дело возбуждено в отношении лица, с этого момента оно является подозреваемым. Однако, если данное решение отменяется, то и статус подозреваемого утрачивается.

Также представляется, что определенными правами должно обладать и лицо, которое еще в статус подозреваемого введено не было, но в отношении него проводятся процессуальные действия. С этой целью предлагается ввести

в УПК РФ ст. 46.1, регламентирующую процессуальный статус лица, в отношении которого ведется проверка по сообщению.

2.2 Задержание подозреваемого и избрание меры пресечения как основания введения лица в статус подозреваемого

Одним из оснований наделения лица статусом подозреваемого, является его задержание в порядке ст. 91 УПК РФ. Закон четко предусмотрел, в каком случае возможно задержать лицо, подозреваемое в совершении преступления.

Перечень оснований ее применения является исчерпывающим и включает:

- задержание лица непосредственно во время совершения преступления либо сразу после него;
- указание на лицо потерпевшими или очевидцами как на лицо, совершившее преступление;
- обнаружение на лице, его одежде, в жилище, явных следов преступления.

Этот перечень, который законодатель закрепил в ч. 1 ст. 91 УПК РФ, не является исчерпывающим, поскольку в ч. 2 ст. 91 УПК РФ указано на то, что задержание подозреваемого возможно и в иных случаях: при неустановлении личности; при отсутствии у лица места жительства; при попытке данного лица скрыться; в случае направления в отношении данного лица в суд ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. То есть, исчерпывающий перечень оснований задержания подозреваемого сосредоточен в двух частях одной нормы, видится необходимым проанализировать их.

Задержание лица непосредственно в ходе совершения преступления либо после него может иметь место исключительно в том случае, когда данным лицом совершается либо совершено деяние, запрещенное УК РФ.

Такое основание, как указание на лицо как на совершившее

преступление потерпевшим или очевидцем, может иметь место исключительно в том случае, когда указанные лица непосредственно наблюдали совершение преступления. Например, в ходе допроса свидетель Р. дал показания о том, что он с балкона своей квартиры наблюдал во дворе дома конфликт между С. и Д., в ходе которого С. нанес Д. удар ножом в живот. Поскольку свидетель Р. указал на С. как на лицо, совершившее преступление, С. был задержан в порядке ст. 91 УПК РФ [63]. В то же время, знание о преступлении от кого – либо другого (когда потерпевшему рассказало об этом неустановленное лицо, а уже он сообщает об этом следователю) не будет образовывать данное основание.

Еще одно основание задержания – обнаружение следов преступления. При этом, законодатель четко обозначил, где могут быть обнаружены такие следы. На подозреваемом, например, следы преступления могут быть обнаружены в ходе освидетельствования. Так, на руках Л., подозреваемого в совершении кражи из магазина, были обнаружены следы химической ловушки [56]. Примером наличия такого основания задержания, как следы преступления на одежде подозреваемого, может являться обнаружение пятен крови потерпевшего Г. на одежде подозреваемого К. [62]. Примером наличия такого основания задержания, как обнаружение при подозреваемом следов преступления, может являться обнаружение в кармане одежды подозреваемого Х. золотого кулона, похищенного им в ходе совершения разбойного нападения на А. [64]. Примером наличия такого основания задержания, как обнаружение следов преступления в жилище подозреваемого П., может являться изъятие в ходе обыска в квартире последнего ножа со следами крови потерпевшего М. [50]. При отсутствии указанных оснований задержание подозреваемого надлежит рассматривать как нарушение прав данного участника уголовного судопроизводства.

При задержании лица очень важно соблюдать процессуальный порядок задержания, а также обеспечивать права такого лица, которые предоставлены ему законодательно. В частности, протокол задержания должен быть составлен

в течение 3 часов с момента фактического задержания. Составленный протокол задержания предъявляется для ознакомления подозреваемому, а также его защитнику, если он участвует в составлении протокола. Закон предусматривает, что подозреваемый имеет право на защитника с момента задержания, поэтому, если он заявляет соответствующее ходатайство, ему должен быть предоставлен защитник по назначению. Протокол задержания, как и протокол любого процессуального действия должен быть подписан всеми его участниками, это свидетельствует о том, что они ознакомились с протоколом задержания.

Особенности задержания несовершеннолетнего подозреваемого предусмотрены в ст. 423 УПК РФ. Однако, если обратиться к рассматриваемой норме, можно обнаружить, что в целом задержание несовершеннолетнего подозреваемого производится в таком же порядке, как и задержание взрослого лица. Об этом прямо говорится в ст. 423, которая отсылает к ст. 91 УПК РФ. Но все же имеется некая специфика задержания лиц данной категории, о чем говорится в ч. 3 ст. 423 УПК РФ. Она заключается в том, что о задержании несовершеннолетнего подозреваемого незамедлительно уведомляются его законные представители. Еще одна особенность задержания несовершеннолетнего подозреваемого установлена в ч. 4 ст. 96 УПК РФ, где указано, что уведомление о задержании несовершеннолетнего подозреваемого производится в любом случае даже при необходимости сохранения в тайне произведенного задержания. Анализируя в совокупности требования ч. 4 ст. 96 УПК РФ и ст. 423 УПК РФ, можно обнаружить, что какие – либо существенные отличия задержания подозреваемых старше и младше 18 лет отсутствуют, пожалуй, уведомление законных представителей несовершеннолетнего подозреваемого – единственное существенное отличие [33, с. 56].

Анализируя порядок задержания подозреваемого и особенности составления протокола, нельзя обойти вниманием основные проблемы, которые возникают в данном случае. Прежде всего, обратим внимание на вопрос, связанный с разъяснением задерживаемому его прав. Нередко именно

посредством составления протокола о задержании лицо вводится в статус подозреваемого (если уголовное дело возбуждено не в отношении него, а по факту совершения преступления). Соответственно, ему должны разъясняться права подозреваемого, которые законодатель сосредоточил в ст. 46 УПК РФ. Кроме того, надлежит разъяснить задерживаемому и причину, по которой он задерживается. Однако, возникает вопрос, каким же образом возможно разъяснить подозреваемому причину задержания и отразить факт того, что им уяснено это. Сейчас следователи и дознаватели продолжают использовать те процессуальные бланки протоколов, которые ранее содержались в приложении к УПК РФ, а бланк протокола задержания не предусматривал необходимость указания на квалификацию преступления, по подозрению в совершении которого задерживается лицо. Такой подход никак нельзя признать верным, и, представляется, что он обусловлен отсутствием в законе подобных требований. Если обратиться к ч. 2 ст. 192 УПК РФ, то можно обнаружить, что законодатель перечисляет в ней ряд обязательных положений, которые должны найти свое отражение в протоколе задержания подозреваемого, это: дата и время составления протокола, дата, время, место, основания и мотивы задержания подозреваемого, результаты его личного обыска и другие обстоятельства его задержания. В то же время, к примеру, в п. 1 ч. 4 ст. 46 УПК РФ законодатель закрепляет право подозреваемого знать, в чем именно он подозревается. Однако правоприменители толкуют это положение таким образом, что в протоколе допроса подозреваемого должна быть указана сущность подозрения и квалификация деяния. Мы такой подход не считаем правильным, поскольку уже задержанное лицо уже имеет статус подозреваемого. Значит и право знать о том, в чем подозревается, лицо приобретает с момента составления протокола о задержании. На данную проблему уже неоднократно обращали внимание исследователи, некоторые даже признают ее существенным пробелом в УПК РФ [67, с. 135]. И это действительно так и есть, представляется, что при таких условиях никак нельзя говорить о том, что у подозреваемого имеется возможность

реализовывать свои права, в том числе, и избирать позицию для возражения против подозрений. Полагаем, что решить данную проблему достаточно просто. Для того, чтобы в действительности имелись условия для того, чтобы подозреваемый мог реализовать свое право, требуется в ч. 2 ст. 92 УПК РФ указание на то, что в протоколе задержания подозреваемого должна отражаться сущность подозрения, а также квалификация деяния, в совершении которого подозревается задерживаемый. Это необходимо и по той причине, что законодатель предусмотрел возможность задержания в порядке ст. 91 УПК РФ лишь тех лиц, которые подозреваются в совершении преступлений, за которые может быть назначено наказание в виде лишения свободы. Когда же в протоколе не указывается, по подозрению в совершении какого деяния задерживается лицо, нет возможности и определить, соблюдено ли указанное условие.

Как видим, законодатель разделяет время задержания и время составления протокола, и такой подход вполне верен, ведь действительно хоть какой-то период времени все же проходит с того момента, как лицо удалось задержать и когда был составлен протокол. Думается, что использование законодателем термина «фактическое задержание» существенно упростило бы понимание соответствующих требований. В таком случае можно было бы и вести речь о том, что в случае совпадения даты и времени фактического задержания и даты и времени составления протокола задержания следует расценивать как обстоятельство, свидетельствующее о незаконности данного протокола и искажении в нем значимых сведений.

Спорным является вопрос по поводу того, возможно ли задержание лица в порядке ст. 91 УПК РФ до возбуждения уголовного дела. Некоторые исследователи занимают такую позицию [18, с. 19]. Представляется, что с ней можно согласиться только по отношению к вопросу о фактическом задержании лица, совершившего преступление. Например, сотрудник полиции выступает очевидцем совершения преступления и задерживает данное лицо (в физическом, а не в процессуальном смысле). Уголовное дело на данный момент еще не

возбуждено, поскольку о совершаемом преступлении следователю стало известно лишь после того, как произведено физическое задержание. Если же говорить о составлении протокола задержания подозреваемого, то, с нашей точки зрения, до возбуждения уголовного дела это невозможно.

Обращает на себя внимание отсутствие единого понимания фактического задержания лица. Анализ научных источников и практики позволяет утверждать, что физическое лишение лица свободы передвижения (если не имел место физический захват данного лица в каком – либо определенном месте), может иметь место в следующих случаях: в случае добровольной явки лица к следователю, дознавателю, с повинной, когда такое лицо удерживается для производства процессуальных действий и составления протокола задержания; когда при добровольной явке лица по вызову следователя или дознавателя для производства с ним следственных действий данные действия с ним были произведены, после чего принято решение о задержании. Представляется, что верным в первом случае момент фактического задержания лица должен исчисляться с того момента, когда лицо явилось к следователю, дознавателю, и момент фактического задержания совпадает с моментом составления протокола. В обоих этих случаях следователи и дознаватели в качестве начала срока задержания указывают дату и время составления протокола, иная ситуация, да и то, достаточно редко, имеет место, когда лицо фактически (с применением физической силы) задерживается сотрудниками органа дознания (например, непосредственно сразу после совершения преступления («по горячим следам»). Так, например, при совершении разбойного нападения на А. последняя оказала сопротивление преступнику, оцарапала его руку и оторвала пуговицу от куртки. По приметам, указанным А., наряду патрульно-постовой службы удалось задержать Н., после чего он был доставлен в орган внутренних дел спустя полтора часа (с учетом отдаленности места преступления от здания органа внутренних дел). В данном случае в протоколе о задержании подозреваемого следователь указал время фактического задержания Н., которое было отражено в рапорте сотрудника патрульно-постовой службы [53].

Исчисление срока задержания с момента составления протокола без учета имеющихся в деле данных о фактическом лишении свободы перемещения лица в некоторых случаях является основанием для изменения приговора. Так, например, Верховным Судом РФ был изменен приговор, вынесенный Нижегородским областным судом в отношении С., который признан виновным по «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ к 15 г л/с. В своей жалобе С. просил отменить приговор в связи с отсутствием состава преступления, а также указывал на то, что неверно исчислен срок отбытия наказания, поскольку суд первой инстанции вел отсчет с момента составления протокола о задержании – с 18 июня 2015 года, в то время как фактически он был задержан существенно раньше – с 15 июня 2015 года. Верховный Суд РФ изменил состоявшийся приговор, указав, что в «материалах дела содержатся данные о том, что С. задержан 15 июня 2005 года», исчислив срок отбывания наказания не с момента составления протокола задержания, а с момента фактического задержания [21].

Как еще один подобный пример можно привести решение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ в кассационном порядке в отношении П., по ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 105 УК РФ, по п. «а», «в», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, по п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ к 22 г л/с. Принося кассационную жалобу на этот приговор, П. указал в ней, что суд первой инстанции неверно оценил доказательства, в связи с чем, приговор является необоснованным. В данной части ВС РФ жалобу не удовлетворил, но указал на неверное исчисление срока наказания судом первой инстанции, поскольку необходимо было исчислять данный срок не с момента составления протокола задержания 06.12.2015, а с 05.12.2015, когда П. был фактически задержан участковым уполномоченным [24].

Нельзя обойти вниманием в рамках данной темы еще один важный вопрос – достаточно часто практикуется, что лицо, которое подозревается в совершении преступления, сначала задерживается в административном порядке. И только после того, как истек срок административного ареста, лицо задерживается в порядке ст. 91 УПК РФ, согласимся с исследователями, отмечающими незаконность таких действий [78, с. 372]. Также отметим, что в

КоАП РФ [25] указано, что исчисление срока задержания начинается с момента вытрезвления лица, если он находится в состоянии опьянения. Представляется, что следует в УПК РФ использовать такой же подход, как в административном законодательстве, предусмотрев, что срок нахождения лица в сильной степени опьянения (до полного вытрезвления) не включается в срок задержания до составления протокола. Полагаем, предложенные изменения будут способствовать соблюдению прав задержанного лица.

Таким образом, лицо приобретает статус подозреваемого с того момента, как оно было задержано в порядке ст. 91 УПК РФ, то есть, с момента составления в отношении него протокола о задержании.

Еще одно основания введения лица в статус подозреваемого – избрание меры пресечения. При этом, законодателем отмечено, что в отношении подозреваемого она избирается лишь в исключительном случае, но что под этим случаем подразумевается, разъяснений нет. Поэтому в научной литературе по данному поводу возникают споры, связанные с определением случаев, когда допускается избрать меру пресечения в отношении подозреваемого. Так, И.М. Антонов считает, что «исключительными случаями, в которых возможно избрать меру пресечения в отношении подозреваемого, следует признавать неотложную ситуацию расследования, когда неприменение меры пресечения может повлечь за собой невозможные утраты для расследуемого дела, например, сокрытие подозреваемого, исчезновение следов» [5, с. 31]. В.А. Михайлов относит к исключительным обстоятельствам избрания меры пресечения «наличие вероятности совершения данным лицом новых преступлений, а также случаи, когда применение меры пресечения – это единственный эффективный способ обеспечения безопасности участников процесса» [32, с. 227]. По мнению О.И. Цоколовой, здесь имеет место слишком узкая трактовка понятия исключительности в рассматриваемом аспекте, в то время как «оно нуждается в более широком толковании, в него должны включаться тяжесть содеянного, обоснованность подозрения, а также наличие доказательств виновности лица в совершении

преступления» [79, с. 168]. Таким образом, единого понимания о случаях исключительности избрания меры пресечения в виде подозреваемого не имеется, а анализ практики свидетельствует о том, что в качестве оснований избрания меры пресечения в отношении подозреваемого выступают те же, что и при принятии данного вопроса в отношении обвиняемого. Более того, зачастую мера пресечения избирается именно в отношении подозреваемого, чтобы таким образом ввести лицо в соответствующий статус. Подобная практика характерна для органов предварительного следствия, когда уголовное дело было возбуждено по факту, а оснований для задержания лица в порядке ст. 91 УПК РФ не имеется. Отсутствие иных возможностей введения лица в статус подозреваемого приводит к тому, что следователи видят лишь такой выход. Нельзя здесь не учитывать, что, в любом случае избрание меры пресечения в отношении подозреваемого будет незаконным, если отсутствуют для этого основания, указанные в ч. 1 ст. 97 УПК РФ. Ими выступают обоснованные предположения о возможности лица: скрыться от органов расследования или суда; продолжить совершение преступлений; угрожать участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства, иным путем воспрепятствовать расследованию [9, с. 185]. Дополнительно к указанному перечню в ч. 2 ст. 97 УПК РФ указывается на то, что основанием для избрания меры пресечения может также явиться необходимость обеспечения исполнения приговора или возможной выдачи лица в порядке, предусмотренном статьей 466 УПК РФ. Только лишь наличие одного или нескольких из указанных оснований дает возможность избрать меру пресечения, в том случае, если она будет применена в отсутствие таковых, она подлежит отмене.

Здесь следует обратить внимание на определенные сложности, обусловленные тем, что законодатель не предусмотрел основания для каждой конкретной меры пресечения, они являются общими, что порождает определенный субъективизм при решении следователя или дознавателя о том, какая же именно мера пресечения должна быть избрана. Несомненно, что в

УПК РФ привести все те ситуации, которые могут возникнуть по уголовным делам, определяющие избрание той или иной меры пресечения, невозможно, но все же видится необходимым произвести определенную дифференциацию оснований для избрания разных мер пресечения. Например, может быть четко определено, что в случае наличия, помимо общих оснований избрания мер пресечения, наличия у подозреваемого судимости, невозможно избрание более мягкой меры пресечения, чем домашний арест (поскольку велика вероятность, что лицо продолжит заниматься преступной деятельностью. Либо, к примеру, предусмотреть, что в случае лицом совершения преступления средней тяжести, при отсутствии у него судимостей, не должны избираться такие меры пресечения, как домашний арест и заключение под стражу. Подобные разъяснения, к примеру, могут быть приведены в разъяснении высшей судебной инстанции. Представляется, что данный подход позволит правоприменителям четко осознавать, в каких случаях какие меры пресечения могут избираться, в настоящее время есть некоторые уточнения положений уголовно-процессуального законодательства по вопросам избрания мер пресечения, но их очень мало.

Ничего не говорит закон по поводу того, что для избрания в отношении подозреваемого необходима определенная совокупность доказательств, однако, представляется, что без нее невозможно избрать меру пресечения, поскольку высшая судебная инстанция прямо указывает, что суд, избирая меру пресечения, обязан проверить обоснованность подозрения в совершении преступления [47]. В данном случае, как представляется, речь идет о двух видах доказательств: которые свидетельствуют о совершении лицом преступления; о наличии оснований для избрания мер пресечения, свидетельствующих о возможном ненадлежащем поведении подозреваемого, в целях предупреждения которого и избирается мера пресечения. Так, например, доказательством того, что подозреваемый может скрыться от органа расследования, могут быть данные о том, что им приобретались билеты в другой город или страну, об увольнении его с постоянной работы, о продаже

имущества: автотранспорта, жилья, мебели и т.д. Также в качестве доказательств данного основания принято рассматривать нахождение лица в розыске. Приведем пример, избирая меру пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении в отношении Р., который подозревался в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, следователь указал в качестве основания, что он может скрыться от органа расследования и суда. Об этом основании свидетельствовал тот факт, что Р. уволился с работы и высказывал своим знакомым намерение уехать «на север на заработки» [52].

Такое основание, как возможность продолжения преступной деятельности, может быть подтверждено тем, что подозреваемый приобретает оружие или иные приспособления, с помощью которых может быть совершено преступление, либо совершает новые преступные деяния, уже зная о том, что в отношении него либо возбуждено уголовное дело, либо, хоть и находится в статусе свидетеля, в отношении него фактически ведется уголовное преследование (например, проведена с его участием проверка показаний на месте, где он указал, каким образом совершил преступление). Так, например, О. был допрошен в качестве свидетеля, и в ходе допроса признался в совершении грабежа, с ним была произведена проверка показаний на месте. В тот же день к нему применена мера процессуального принуждения – обязательство о явке. На следующий день К. совершил еще два открытых хищения имущества. Следователь избрал в отношении К. меру пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении, указав в качестве основания возможность продолжения К. заниматься преступной деятельностью. Впоследствии К. совершил еще два преступления и мера пресечения была изменена на заключение по стражу [60]. Представляется, что здесь следователь изначально неверно избрал слишком мягкую меру пресечения, не обеспечивающую надлежащее поведение подозреваемого с учетом его личности.

Возможность уничтожения доказательств лицом может подтверждаться тем, что оно уже предпринимало подобные попытки либо высказывало такие

намерения, имеет доступ к таким доказательствам в силу своей профессии, должности и т.д. [48, с. 213]. О возможности лица угрожать участникам по уголовному делу может свидетельствовать высказывание таких угроз либо сообщение об этих намерениях.

Меры пресечения в целом предназначены для того, чтобы обеспечить надлежащее поведение лица и предупредить новые преступления [9, с. 185]. Или, как более точно замечено, цель мер пресечения – предупредить наступление предполагаемых, вероятных негативных последствий для уголовного судопроизводства в будущем [14, с. 136]. Общая цель мер пресечения одна – обеспечить надлежащее поведение подозреваемого в уголовном судопроизводстве, остальные же цели следует рассматривать применительно к конкретным видам мер пресечения. Перечень таких мер исчерпывающий, закон определяет их четко не допускается избрание тех, которые в УПК РФ не указаны. Меры пресечения выстроены в определенной иерархии – от наиболее мягких к наиболее строгим, и более строгая может быть избрана лишь когда невозможно применить ту, которая накладывает наименьшие ограничения на виновное лицо. Это означает, что в каждом случае, когда следователь либо дознаватель усмотрит необходимость избрать меру пресечения, он должен проанализировать, учитывая обстоятельства совершенного преступления, личность подозреваемого, иные обстоятельства, которые законодатель отнес к числу подлежащих учету в обязательном порядке, обеспечит ли наиболее мягкая из мер пресечения достижения тех целей, для которых она и избирается. Если очевидно, что данная мера указанных целей достичь не позволит, следует рассмотреть возможность избрания следующей.

Следует учитывать и тот факт, что избрать в отношении одного конкретного лица, который будет таким образом введен в статус подозреваемого, можно только одну меру пресечения, несколько избрано быть не может. Также, в том случае, когда определено, что меру пресечения следует избрать, при решении вопроса о том, какая именно должна быть избрана,

необходим учет соразмерности ее наказанию, которое может быть назначено за преступление, инкриминируемое подозреваемому или обвиняемому, исходя из санкции соответствующей нормы.

Анализируя основания введения лица в статус подозреваемого, необходимо отметить, что возникают также вопросы и по поводу того, каков статус лица, в отношении которого составляется протокол о задержании подозреваемого либо избирается мера пресечения. Закон оперирует понятиями «задержание подозреваемого», «избрание меры пресечения в отношении подозреваемого», но фактически это не верно, так как у такого лица либо вообще нет никакого статуса, либо оно находится в статусе свидетеля до того момента, как в отношении него будет вынесено соответствующее постановление об избрании меры пресечения либо составлен протокол задержания. По данному поводу определенные разъяснения были даны Конституционным Судом РФ, который пояснил, что лицо должно обладать правом на получение квалифицированной юридической помощи и на защитника с того момента, как в отношении него начались совершаться действия, свидетельствующие об уголовном преследовании [43]. Однако, данное разъяснение лишь позволяет сделать вывод о том, что такое лицо, которое фактически находится в статусе свидетеля, но в отношении него ведется скрытое уголовное преследование, может иметь право пользоваться помощью адвоката, не должно подлежать уголовной ответственности при отказе от дачи показаний либо в случае дачи ложных показаний, но проблему введения лица в статус подозреваемого оно не решило. Фактически сейчас, когда расследование ведется в форме предварительного следствия, получается, что в случае расследования уголовного дела, возбужденного не в отношении конкретного лица, а по факту совершения преступления, допросить лицо, о причастности которого к совершению преступления имеются сведения, в качестве подозреваемого, в случае отсутствия оснований для задержания его по подозрению в совершении преступления или избрания в отношении него меры пресечения, невозможно.

Таким образом, возникает вопрос о том, каким образом может быть получено такое важное доказательство, как показания подозреваемого и данная проблема требует скорейшего разрешения.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что следователи в данном случае идут по достаточно простому пути, но который вряд ли можно рассматривать как законный – избирают в отношении подозреваемого самую мягкую меру пресечения – подписку о невыезде и надлежащем поведении – даже когда оснований для этого не имеется. В постановлении об избрании меры пресечения приводятся формальные основания, в частности, указывается, что лицо совершило преступление, что дает основания полагать о возможности продолжения им преступной деятельности. Подобные подходы к решению проблемы просматриваются в решениях, принимаемых следователями Московской, Владимирской, Нижегородской и других областей, на что обращалось внимание Следственным департаментом МВД России [34, с. 8]. Как правило, подобные решения подозреваемым и его защитником (который часто действует по назначению) не обжалуются, так как подписка о невыезде и надлежащем поведении серьезных ограничений прав подозреваемого не создает. Однако, представляется, что, если данное решение будет обжаловано, у суда будут иметься все основания для удовлетворения жалобы подозреваемого, так как закон четко говорит о том, что избрать любую меру пресечения возможно только при наличии достаточных к этому оснований. Поэтому подобный подход видится не допустимым, так как он приводит к нарушению прав подозреваемого.

Многие исследователи полагают, что данную проблему можно разрешить путем законодательного закрепления возможности уведомления о подозрении не только в ходе дознания, но и в ходе предварительного следствия [71, с. 29]. Однако, недостатки, которые были нами выявлены при анализе уведомления о подозрении в совершении преступления как акта, выступающего основанием для введения лица в статус подозреваемого, дают

возможность согласиться с мнением тех исследователей, которые полагают, что возникла необходимость вынесения самостоятельного процессуального акта, посредством которого лицо должно признаваться подозреваемым [81, с. 27]. Мы полностью разделяем данный подход.

Связаны и иные проблемы с тем, что закон предоставляет крайне ограниченное число оснований для введения лица в статус подозреваемого. К примеру, они заключаются в том, что, как уже было отмечено, нередко следователи и дознаватели избирают в отношении лица меру пресечения, таким образом вводя его в статус, а если в течение 10 суток не предъявляется обвинение, то данная мера пресечения отменяется. И здесь возникает очередной вопрос – в каком статусе находится лицо, если оно введено в статус подозреваемого путем избрания в отношении него меры пресечения, и она отменена? Закон по данному поводу ничего не говорит, а мнения исследователей различаются. Некоторые полагают, что в данном случае лицо утрачивает статус подозреваемого и возвращается в статус свидетеля [2, с. 93]. Другие полагают, что, будучи введенным в статус подозреваемого лицо продолжает оставаться таковым, вне зависимости от того, будет ли отменена избранная в отношении него мера пресечения либо будет ли он освобожден после задержания, утратив статус задержанного, но не утратив статуса подозреваемого. Аргументируется данная позиция тем, что в отношении данного лица уже начато уголовное преследование, и прекратить его можно только соответствующим постановлением – постановлением о прекращении уголовного дела либо уголовного преследования [69, с. 119]. Более верной видится второе из указанных мнений, однако, сложно с убежденностью ответить на рассматриваемый вопрос, поскольку и уголовное преследование в УПК РФ определено крайне абстрактно, как деятельность по изобличению. А такая деятельность может осуществляться и без введения лица в статус подозреваемого, что уже было отмечено. Если бы четко УПК РФ указал, что рассматривается в качестве уголовного преследования, указав, что одним из моментов его начала выступает избрание меры пресечения, вопросов бы не

возникало. Поэтому в правоприменительной практике возникают проблемы, связанные с определением статуса рассматриваемого лица, в отношении которого постановление об избрании меры пресечения выносилось, но было отменено до предъявления обвинения, обвинение не предъявлено, а дело возбуждено по факту. Проявление данной проблемы может быть в следующем. Например, подписка о невыезде и надлежащем поведении (так как она избирается наиболее часто для введения лица в статус подозреваемого) была отменена, обвинение лицу не предъявлено, но возникла необходимость произвести с его участием следственное действие, например, очную ставку либо проверку показаний на месте. От того, какой статус имеет данное лицо, зависит и объем его прав и обязанностей, поэтому верное решение данного вопроса крайне важно. В некоторых субъектах страны практика идет по тому пути, что лицо продолжает рассматриваться в качестве подозреваемого, в других же, чтобы избежать возможных последствий в качестве признания результатов производства следственных действий с таким лицом недопустимыми доказательствами по причине неверного определения статуса, следователи и дознаватели в данном случае вновь выносят в отношении лица постановление об избрании в отношении него меры пресечения. Фактически, закон подобное не запрещает, не указывая, что после отмены меры пресечения вновь не может быть избрана в отношении того же лица прежняя мера пресечения или иная, формально закон не нарушен. Но когда и при избрании меры пресечения впервые оснований не было, как правило, нет их и во втором случае, поэтому можно усмотреть здесь нарушение прав подозреваемого. Судебной практики по обжалованиям подобных действий следователя найти не удалось, как в принципе и практики о признании доказательств недопустимыми в связи с тем, что в таком случае лицо считалось подозреваемым даже после отмены меры пресечения.

Разрешить рассмотренную проблему путем предоставления возможности введения лица в статус подозреваемого путем уведомления его о подозрении в совершении преступления в ходе предварительного следствия

невозможно, а практика по данному вопросу должна быть единообразной, для чего и закон не должен допускать его двойного толкования. Поэтому, наилучшим выходом, позволяющим в полной мере обеспечивать соблюдение прав подозреваемого, видится необходимость законодательного закрепления в качестве основания введения лица в данный статус постановления о подозрении или о признании подозреваемым. Тем более что применительно к такому участнику уголовного судопроизводства как потерпевший подобное постановление, где указываются основания введения лица в статус и разъясняются все права, уже российскому уголовному судопроизводству известно достаточно давно.

Исследователи предлагают предусмотреть постановление о подозрении по аналогии с постановлением о привлечении в качестве обвиняемого [3, с. 16], в целом, с данным предложением мы полностью согласны, тем более что уведомление о подозрении в настоящее время по содержанию схоже с постановлением о привлечении в качестве обвиняемого, только не содержит перечня прав подозреваемого. При этом, представляется, что уведомление о признании потерпевшим должно выноситься по каждому уголовному делу, вне зависимости от того, в отношении подозреваемого или нет возбуждено уголовное дело, задерживается ли оно в совершении преступления, избирается ли в отношении него мера пресечения. Именно вынесение данного постановления и вручение его копии подозреваемому обеспечит разъяснение прав данному участнику уголовного судопроизводства перед тем, как с его участием будут производиться следственные действия или применяться к нему меры процессуального принуждения.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы. Лицо может быть введено в статус подозреваемого путем его задержания в порядке ст. 91 УПК РФ, но оно возможно исключительно при наличии для этого соответствующих оснований, перечень которых в законе является исчерпывающим, однако, возникают проблемы при определении иных данных, при наличии которых

возможно задержание лица, совершившего преступление. При этом, основание задержания должно быть доказано в обязательном порядке.

Также лицо может быть введено в статус подозреваемого путем избрания в отношении него меры пресечения, для этого необходимы основания, указанные в ст. 97 УПК РФ. Законодатель не предусмотрел основания для каждой конкретной меры пресечения, они являются общими, что порождает определенный субъективизм при решении следователя или дознавателя о том, какая же именно мера пресечения должна быть избрана, поэтому видится необходимым произвести определенную дифференциацию оснований для избрания разных мер пресечения в уголовно – процессуальном законодательстве, обеспечивая единообразное применение оснований избрания конкретных мер пресечения. Представляется, что необходимо кардинально пересмотреть подход к понятию подозреваемого и к основаниям введения лица в данный статус.

Поэтому предлагается:

- ч. 1 ст. 46 УПК РФ изложить следующим образом: Подозреваемым является лицо, в отношении которого вынесено постановление о признании подозреваемым. Основаниями вынесения данного постановления выступают достаточные данные о причастности лица к совершению преступления;
- в ч. 4 ст. 46 УПК РФ закрепить право подозреваемого на получение копии постановления о признании его подозреваемым;
- дополнить ст. 46 УПК РФ п. 1.1., в котором указать, что подозреваемый должен быть допрошен не позднее 24 часов с момента признания его подозреваемым;
- дополнить ст. 46 УПК РФ ч. 5, в которой привести требования к постановлению о признании подозреваемым, указав, что в нем должны содержаться те сведения, которые в настоящее время законодатель предусмотрел в ст. 223.1 УПК РФ, а также права и обязанности подозреваемого.

Глава 3 Некоторые особенности и проблемы реализации процессуального статуса подозреваемого

3.1 Права и обязанности подозреваемого при производстве следственных действий

Перечень прав подозреваемых, которыми последний обладает при производстве с ним следственных действий, указан в ст. 46 УПК РФ, содержащей перечисление основных прав данного участника уголовного судопроизводства, которые уже были рассмотрены нами выше. Приведем еще раз те, которые связаны непосредственно с участием в следственных действиях:

Во-первых, право знать о сущности подозрения. Данное право является общим, но оно в обязательном порядке должно быть соблюдено и при производстве следственных действий, в особенности, при первом допросе подозреваемого. В таком случае, в сам протокол вносится отметка о том, что сущность подозрения в совершении определенного преступления разъяснена. Данное право является определяющим, поскольку позволяет подозреваемому определить тактику своей защиты. Последняя может быть реализована самостоятельно или и с помощью защитника. Обеспечить право подозреваемого знать о сущности подозрения должно лицо, производящее расследование. Также перед производством каждого следственного действия необходимо разъяснить подозреваемому все его права, которыми обладает подозреваемый именно при производстве данного следственного действия, так как они могут иметь определенную специфику в зависимости от того, какое именно следственное действие проводится, и, как правило, содержатся в норме УПК РФ, посвященной непосредственно регламентации данного следственного действия. Факт разъяснения прав подозреваемый должен удостоверить своей подписью [1, с. 463].

Также к числу прав подозреваемого надлежит относить и право подозреваемого о его обязанностях в ходе следственного действия, а также об ответственности, которая может наступить за неисполнение обязанностей. Прямо закон данное право не закрепляет, но оно логически следует из наличия у подозреваемого определенных обязанностей. Из анализа УПК РФ следует, что разъяснение положений, связанных с процессуальным статусом подозреваемого, возлагается на лицо, производящее расследование. Однако, представляется, что следует урегулировать данный вопрос более расширенно, предусмотрев обязанность следователей и дознавателей не только разъяснять права подозреваемого, но и способы их реализации.

УПК РФ прямо не говорит о праве подозреваемого на защиту, оно вытекает из положений Конституции РФ, где закреплена возможность каждого осуществлять свою защиту любым законным способом. Уголовно-процессуальный закон определяет лишь право подозреваемого на помощь защитника, однако, ничто не запрещает данному лицу осуществлять свою защиту самостоятельно. Поэтому предлагается внести соответствующие дополнения в закон и дополнить ч. 4 ст. 46 УПК РФ п. 1.1: «Подозреваемый вправе от лица, осуществляющего уголовное преследование и суда получать разъяснения о порядке осуществления самостоятельной защиты».

Во-вторых, давать показания либо отказаться от дачи показаний. Реализовать рассматриваемое право подозреваемый может следующими способами: дать показания по поводу подозрения, полностью согласившись с ним; дать показания по поводу подозрения, возразив против него частично либо полностью; отказаться дать показания, не высказывая свою позицию относительно подозрения. Какую из указанных позиций следует занять, вправе решать только сам подозреваемый, оказывать на него давление категорически запрещено, в то время как следует с сожалением отметить, что подобные ситуации все же имеют место в правоприменительной практике. Существуют и примеры грубого психического насилия. В качестве такого можно привести пример допроса подозреваемого, не желающего давать

признательные показания. Следователь, осуществлявший допрос, якобы набрав номер на телефоне, демонстративно произнес: «У тебя паяльник есть? Принеси ко мне в кабинет, у меня тут жулик в отказе». Аналогичным примером является ситуация, когда подозреваемый, явившийся на допрос, увидел в кабинете следователя оперативника, загримированного под избитого гражданина. Следователь при этом, встряхивая рукой как после нанесения ударов, вызвал конвойного со словами: «Этого уводите, готов дать признательные показания. Скоро ждите следующего». Такое поведение следователя недопустимо не только потому, что является аморальным и порочит авторитет правоохранительных органов, но и потому, что под воздействием такого психического насилия допрашиваемый может оговорить себя либо другое лицо, сообщив ложные сведения [7, с. 110]. Так, например, по уголовному делу по факту умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, подозреваемый И. изначально утверждал, что не причастен к совершению данного преступления, однако следователь, утверждая, что потерпевший по фотографии опознал его как лицо совершившее преступление, угрожал заключением И. под стражу в том случае, если он не даст признательные показания, а в случае дачи признательных показаний изберет подписку о невыезде и надлежащем поведении. И., испугавшись быть заключенным под стражу, дал признательные показания в совершении данного преступления. Однако, впоследствии было установлено, что И. под давлением оговорил себя, в действительности данное преступление совершил Л., внешне имеющий сходство с И. [51].

Примером обмана подозреваемого со стороны лица, ведущего расследование, может быть обещание в обмен на признательные показания изменить квалификацию деяния на менее тяжкую либо избрать меру пресечения, не связанную с лишением свободы. Также разновидностью обмана любого участника по делу может быть составление подложных документов- протокола допроса свидетеля или соучастников, в котором говорится о роли допрашиваемого в совершении преступления либо о наличии

у него значимой информации о преступлении, заключения эксперта, в котором указано на оставленные допрашиваемым лицом следов на месте преступления. В качестве примера такого обмана можно привести уголовное дело по факту кражи имущества из магазина в г. Москва. В ходе расследования были получены оперативные данные о причастности к совершению данного преступления А. В ходе допроса А. отказывался давать показания. Следователь изготовил фальшивые допросы свидетелей, указав в них, что они видели, как А. проник в магазин. В итоге А. дал признательные показания, уголовное дело в отношении него судом было прекращено в связи с примирением сторон [54]. Примером запрещенного тактического приема может являться и получение от лица нужных показаний путем шантажа, в обмен не распространять какие-либо сведения о личности допрашиваемого или его поступках. Подобные тактические приемы не только аморальны, но и могут содержать признаки состава преступления или провоцировать совершение преступлений.

В современной практике расследования преступлений, совершенных организованными преступными группами, встречаются и случаи фактического шантажа обвиняемых решением об освобождении их из-под стражи, когда лицу, производящему расследование, заведомо известно, что такое решение создает для них угрозу расправы со стороны соучастников. Подобным примером может быть и ситуация, когда лицо, производящее расследование, беседуя с участником по делу «без протокола», записывает полученные от данного лица сведения с помощью диктофона, а впоследствии, обещая предъявить эту запись лицам, которые могут расправиться с допрашиваемым, получает от него показания официально. Все подобные подходы органа расследования нарушают право подозреваемого, связанного с дачей им показаний. Последний сам должен принять решение, давать ему показания либо отказываться от них, в зависимости от складывающейся ситуации по делу для подозреваемого может быть более выигрышной любая из этих позиций. Например, давая показания, он может сообщить сведения,

позволяющие усмотреть в его действиях менее тяжкий состав преступления или установить наличие смягчающих обстоятельств. Может иметь место и ситуация, когда подозреваемый считает, что у следствия нет достаточных доказательств о причастности его к преступлению, и лучший выход – не давать показаний.

Следует учитывать, что в случае отказа от дачи показаний подозреваемый уголовной ответственности не подлежит. С позиции некоторых авторов такая позиция законодателя объясняется тем, что угроза уголовной ответственности за дачу ложных показаний может толкнуть обвиняемого в критических ситуациях на самооговор. Однако, имеются и сторонники введения ответственности для подозреваемых за дачу ложных показаний, которые аргументируют свой подход тем, что подозреваемый нередко оговаривает самого себя либо иных лиц в совершении преступления. Также отмечается, что подозреваемый не привлекается и к уголовной ответственности за заведомо ложный донос, когда умышленно оговаривает другое лицо в совершении преступления.

С нашей точки зрения, с целью исключения таких ситуаций, в целях соблюдения прав тех лиц, которых подозреваемый оговаривает в совершении преступления, необходимо законодательно предусмотреть уголовную ответственность подозреваемого за заведомо ложный донос в совершении преступления, когда его ложные показания связаны с заведомым оговором другого лица в совершении преступления. В случае же, если подозреваемый отказывается от дачи показаний либо дает ложные показания, не оговаривая при этом иных лиц, ответственности он подлежать не должен, такие действия должны рассматриваться в качестве средства его защиты. Следует учитывать и тот факт, что подозреваемый наделен правом давать показания в любой момент расследования, и в таком ходатайстве следователь или дознаватель отказать ему не вправе, поскольку нельзя исключать, что подозреваемый может сообщить сведения об обстоятельствах, значимых для расследования.

В-третьих, представлять доказательства. Данное право подозреваемый может реализовывать различными способами, к примеру, предоставлением видеозаписей, имеющихся у него, документов, предметов, имеющих значение для уголовного дела.

В-четвертых, давать показания на родном языке или на языке, которым владеет, и пользоваться помощью переводчика бесплатно. Законодатель усматривает здесь два отдельных права, но представляется, что они тесно взаимосвязаны, поскольку второе вытекает из первого, фактически, выступает средством его реализации. Здесь следует проанализировать наиболее спорные аспекты, связанные с тем, каким образом следует установить, требуется ли помощь переводчика подозреваемому, поскольку нередко последние просто злоупотребляют правом на его помощь, стремясь оказать противодействие расследованию, нередко по подсказке защитников, знающих о том, что нередко крайне сложно найти переводчика. Поэтому мнения среди исследователей по вопросу о том, должно ли в каждом случае удовлетворяться ходатайство лица о предоставлении ему переводчика, либо это необходимо только в тех случаях, когда доказано, что подозреваемый не владеет в нужной степени языком уголовного судопроизводства. Некоторые исследователи полагают, что отказ в предоставлении переводчика подозреваемому нарушает его право [40, с. 32]. Другие полагают, что если будет доказано злоупотребление данным правом, то следует отказать в удовлетворении данного ходатайства. Более верной представляется вторая позиция, что подтверждает и судебная практика. Так, Ц. заявила ходатайство о предоставлении ей переводчика, так как она пожелала воспользоваться правом изъясняться на родном ей корейском языке. Следовательно, отказывая в удовлетворении данного ходатайства, указал, что в действиях Ц. просматривается злоупотребление правом, так как она с рождения проживает на территории Российской Федерации, имеет гражданство РФ, высшее образование, показания давались ей на русском языке. Конституционным Судом РФ было отказано в принятии жалобы Ц., поскольку положение о праве

изъясняться на родном языке и пользоваться помощью переводчика в указанном заявителем аспекте не может рассматриваться как нарушающее конституционные права [36]. Можно привести и еще один пример, когда отказ в ходатайстве предоставления переводчика был признан законным, поскольку Б. проживал на территории более 10 лет, работал в государственном учреждении, ранее был трижды судим, переводчик в делах не участвовал, так как Б. заявлял, что владеет русским языком [6].

Полагаем, что в целях исключения спорных ситуаций по данному вопросу, следует изложить п. 6 ч. 4 ст. 46 УПК РФ следующим образом: давать показания и объяснения на родном языке или языке, которым он владеет и пользоваться помощью переводчика бесплатно, при условии, что установлен факт невладения русским языком в степени, необходимой для реализации своих прав, а п. 7 данной нормы исключить.

В-пятых, заявлять ходатайства и отводы. Это одно из важнейших прав, посредством которого подозреваемый может реализовывать все остальные. При наличии оснований, ходатайства и отводы должны быть удовлетворены. Гарантии реализации данного права закреплены в иных нормах УПК РФ, в частности, где указывается, в каких случаях лица, осуществляющие уголовное преследование, подлежат отводу. Гарантия права на заявление ходатайств обеспечивается положением ст. 159 УПК РФ, в соответствии с которой следователь не имеет права отказать подозреваемому в ходатайстве о допросе свидетелей, производстве экспертизы и других следственных действий по собиранию доказательств, если обстоятельства, об установлении которых он ходатайствует, могут иметь значение для дела. Здесь, как уже отмечалось выше, также требуется в целях более эффективного обеспечения реализации подозреваемым своих прав, наличие обязанности у следователей и дознавателей разъяснять более подробные способы реализации таких прав. То есть, необходимо четко разъяснять подозреваемому, что ходатайства такого рода будут подлежать удовлетворению, что позволит подозреваемому

осознавать реальные возможности опровержения подозрения и защиты своих интересов данным участником уголовного судопроизводства.

В-шестых, участвовать с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, производимых по ходатайству подозреваемого, его защитника либо законного представителя. Данное право тесно связано с предыдущим, позволяющим подозреваемому реализовывать право на заявление ходатайств. В практике нередко имеют место такие ситуации, когда орган расследования не считает нужным производить то или иное следственное действие, однако, при поступлении соответствующего ходатайства возникает соответствующая обязанность. Так, достаточно часто подозреваемыми заявляются ходатайства о производстве очных ставок, следственных экспериментов и т.д. И совершенно обоснованным видится закрепление права подозреваемого на участие в них, поскольку его интересует результат соответствующего следственного действия, а также может преследоваться цель быть убежденным в том, что оно будет произведено без нарушений. Так, нередко по уголовным делам о дорожно-транспортных происшествиях подозреваемый ходатайствует, чтобы следственный эксперимент производился при его участии, так как это позволяет реализовать его следующее право.

В-седьмых, знакомиться с протоколами следственных действий, которые произведены с участием подозреваемого и подавать на него замечания. Так, к примеру, следователем производился следственный эксперимент, и, по мнению подозреваемого, в ходе него были допущены нарушения, не позволяющие признать результаты следственного эксперимента недопустимым доказательством. В частности, подозреваемый принес замечания на протокол следственного эксперимента, указав, что результаты определения видимости следует признать неверными, поскольку дорожно-транспортное происшествие совершено в темное время суток, при отсутствии света, в то время как следственный эксперимент проводился в полнолуние и при достаточно ярком лунном освещении. Также и свет фар

транспортного средства, используемого в следственном эксперименте, существенно ярче, чем был на его автомобиле. Впоследствии подозреваемый заявил ходатайство о признании недопустимым доказательством результаты следственного эксперимента, и данное ходатайство было удовлетворено судом [49].

В-восьмых, пользоваться помощью защитника. Данное право является одним из основных, позволяющих реализовывать право на защиту посредством пользования квалифицированной юридической помощью. Защитник наделяется большим кругом прав для того, чтобы обеспечивать защиту подозреваемого. Предусмотрены и определенные гарантии данного права – например, возможность подозреваемого иметь без ограничения свидания со своим защитником. В то же время, представляется целесообразным сосредоточить внимание на тех аспектах, которые не позволяют реализовывать подозреваемому право на защиту в полной мере. Прежде всего, представляется неверным подход законодателя, в соответствии с которым защиту в ходе расследования может осуществлять только профессиональный юрист в статусе адвоката. Представляется, что следовало бы дать возможность подозреваемому самостоятельно определять, чьей помощью для своей защиты он желает воспользоваться – адвоката либо иного лица, поэтому предлагается ч. 2 ст. 49 УПК РФ изложить следующим образом: «В качестве защитников участвуют адвокаты, близкие родственники обвиняемого или иные лица, о допуске которых ходатайствует обвиняемый». Такой законодательный подход будет более эффективно обеспечить реализацию права подозреваемого на защиту.

Еще один достаточно проблемный вопрос с нашей точки зрения – это допуск защитника в уголовное судопроизводство на основании ордера, без выяснения позиции подозреваемого по поводу участия именно этого защитника в уголовном деле. В том случае, когда адвокат осуществляет защиту на основании соглашения, проблема возникает редко, но исключать ее возможность нельзя, поскольку нередко соглашения заключают родственники

подозреваемого, например, когда он задержан, и защитник, предоставив ордер, может ознакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с подзащитным. Однако, подозреваемый имеет право отказаться от защитника, а в данном случае в полной мере реализовать его не может, так как фактически защитник уже реализовал часть полномочий по его защите, изучив протоколы следственных действий, в то время как подозреваемый мог не желать этого. Например, представим ситуацию, что лицо подозревается в совершении изнасилования, дало признательные показания, но не желает, чтобы об этом стало известно его близким. Жена подозреваемого заключает соглашение с защитником, тот на основании ордера вступает в дело, следователь на основании закона предоставляет ему для ознакомления протокол допроса подозреваемого. Конечно, в данном случае следует исходить из положений об адвокатской тайне [76], но ситуация здесь будет спорной, поскольку соглашение фактически заключено с женой подозреваемого и адвокат может полагать допустимым сообщить ей те сведения, о которых узнал в силу своей деятельности. Это лишь одна из возможных ситуаций, когда подозреваемый может не желать, чтобы в деле принимал участие защитник вообще либо конкретный.

Законодатель говорит о том, что, когда требуется согласие подозреваемого на участие защитника в деле, должно быть предоставлено свидание с подозреваемым вступающего в дело адвоката, но, при этом, нигде не указано, в каком случае возникает такая необходимость. Представляется, что было бы целесообразнее исключить ч. 4.1. из ст. 49, а ч. 4 данной нормы изложить в следующей редакции: «Адвокат вступает в уголовное дело в качестве защитника по предъявлении удостоверения адвоката и ордера, если подозреваемым, обвиняемым, на защиту которого предъявлен ордер, не будет заявлен отказ от данного защитника. Для выяснения позиции подозреваемого, обвиняемого по данному вопросу, адвокату предоставляется свидание с подозреваемым, обвиняемым по предъявлении удостоверения адвоката и ордера. После вступления защитника в уголовное дело, на него

распространяются правила, установленные частью третьей статьи 53 настоящего Кодекса.».

Следует обратить внимание и на то, что в ряде случаев участие защитника является обязательным, это касается ситуаций, когда подозреваемым выступает несовершеннолетнее лицо, а также лица, имеющие физические и психические недостатки. Но последние критерии определены излишне широко, что может способствовать субъективному подходу к определению ситуаций, когда защитник должен обязательно быть введен в уголовное дело. Представляется, что следовало бы п. 3 ч. 1 ст. 51 УПК РФ изложить в следующей редакции: «подозреваемый, обвиняемый, имеющий психическое расстройство, не исключающее вменяемости, а также страдающий существенным дефектом речи, слуха, зрения или другим недугом, ограничивающим его способность пользоваться процессуальными правами». Ряд прав подозреваемых в ст. 46 УПК РФ не закреплён, к примеру, право на ознакомление с постановлением о назначении судебной экспертизы и заключением эксперта. Представляется, что подобное конструирование норм УПК РФ не способствует эффективному обеспечению прав подозреваемого, и в ст. 46 должны быть перечислены все права подозреваемого, и все они должны разъясняться при введении лица в статус подозреваемого.

Следует отметить, что обеспечение прав подозреваемого, когда лицо является несовершеннолетним, имеет некоторую специфику, в частности, гарантируется возможность их реализации с помощью законного представителя, а в том случае, если участие последнего в судопроизводстве может навредить несовершеннолетнему, следователь, дознаватель, должны отвести его от участия в уголовном деле. Однако, представляется, что здесь необходимо также совершенствование действующего законодательства, поскольку сейчас существуют излишне широкие пределы усмотрения следователя, дознавателя по данному вопросу, что фактически даёт возможность производящим расследование лицам по своему усмотрению

отстранять законных представителей от участия в деле. Такой подход явно не способствует обеспечению прав подозреваемого, в связи с чем, видится необходимым привести высшей судебной инстанцией в соответствующем постановлении [46] исчерпывающий перечень оснований, по которым лицо не должно признаваться законным представителем несовершеннолетнего подозреваемого либо быть отстранено от участия в уголовном деле в качестве законного представителя. Данный перечень должен содержать такие основания как нежелание подозреваемого (обвиняемого) привлекать к участию в следственных действиях с ним законного представителя, наличие судимостей, признание лица гражданским ответчиком.

Проанализируем еще один крайне спорный момент, связанный с участие подозреваемых в следственных действий. Так, вполне распространены ситуации, когда лицо находится в статусе свидетеля, в то время как в действительности в отношении него ведется скрытое уголовное преследование, и фактически данное лицо выступает подозреваемым, но без получения данного статуса, и соответственно, не имея прав, которыми обладает подозреваемый. Подобный подход обусловлен желанием органов предварительного расследования облегчить свою работу, поскольку наличие у лица, которое фактически заподозрено в совершении преступления, но является свидетелем прав существенно меньше, и следователи, дознаватели могут производить допрос такого лица, а также следственные действия с ним (как правило, проверки показаний на месте, очные ставки) без участия защитника, получив необходимые показания, формируя таким образом доказательственную базу, после чего вводят данное лицо в статус подозреваемого.

Кроме того, имеют место ситуации, когда следователи и дознаватели опасаются избирать в отношении лица меру пресечения либо задерживать его в качестве подозреваемого, так как не уверены в достаточности доказательств его вины на этапе раскрытия преступления. Если к лицу будут применены указанные принудительные меры (а только посредством них следователь

может ввести лицо в статус подозреваемого в том случае, когда уголовное дело возбуждено не в отношении лица, а по факту преступления), а впоследствии собрать достаточных доказательств для направления уголовных дел в суд не удастся, лицо будет иметь право на реабилитацию. Производство же следственных действий со свидетелем реабилитации повлечь не может, чем и руководствуются следователи, оставляя лицо в данном статусе. Также в практике распространены ситуации, когда в групповом преступлении одно лицо выполняет незначительные действия, доказать его вину в совершении преступления трудно (например, если оно лишь наблюдает за окружающей обстановкой при совершении кражи, чтобы в случае опасности предупредить соучастников), следователи выбирают наиболее простой, хотя и не совсем законный путь – оставляют данное лицо свидетелем по уголовному делу, укрепляя таким образом доказательственную базу, поскольку данное лицо дает изобличающие показания в отношении других, но искажает при этом свою роль (например, говорит, что не знал, с какой целью его товарищи пошли к дому потерпевшего, а потом, когда они вернулись с вещами, они ему сообщили, что совершили кражу). Следует признать и тот факт, что возможны ситуации, когда следователи не вводят заподозренное в совершении лицо в статус подозреваемого обосновано – есть версия о том, что преступление совершено им, но доказательства данной версии отсутствуют. Во всех указанных случаях фактически лицо, находящееся в статусе свидетеля, является заподозренным, в отношении него ведется скрытое уголовное преследование, в связи с чем, у него может иметься законный интерес, свойственный больше подозреваемому, чем свидетелю. Таким образом, можно сделать вывод, что возможно осуществление скрытого уголовного преследования в отношении лица, которое находится в статусе свидетеля. Данную проблему еще до принятия действующего УПК РФ пытался разрешить Конституционный Суд РФ, разъяснив, что лицо должно обладать правом на получение квалифицированной юридической помощи и на защитника с того момента, как в отношении него начались совершаться

действия, свидетельствующие об уголовном преследовании [44]. Но что именно подразумевается под такими действиями, разъяснений дано не было. Принятый в 2001 г. УПК РФ несколько способствовал разрешению рассматриваемых проблем, предусмотрев право свидетеля на помощь адвоката, но все же данное право существенно более ограниченное, чем право подозреваемого на защиту.

В целом, можно сделать вывод о том, что даже в том случае, когда лицо, находящееся в статусе свидетеля, имеет законные интересы, в большей степени свойственные подозреваемому, до введения его официально в статус подозреваемого, обладает только теми правами и обязанностями, которыми наделен свидетель. Конечно, здесь имеет место парадоксальная ситуация, поскольку фактически данное лицо осуществляет функцию защиты - опровергает возникшее в отношении него подозрение, но, при этом, несет обязанности и ответственность, предусмотренные для свидетелей. Поэтому в данном случае реализовать права подозреваемого лицо не может.

Таким образом, уголовно-процессуальным законом предусмотрен достаточно широкий комплекс прав подозреваемого, которые он может реализовывать при производстве следственных действий. При этом, представляется, что действующий законодательный подход не обеспечивает в полной мере возможность их реализации в силу того, что на органы уголовного преследования не возложены обязанности по разъяснению тех положительных эффектов, которые могут быть достигнуты при использовании подозреваемым своих прав, к примеру, что следователь, дознаватель, будут обязаны удовлетворить ходатайство подозреваемого о производстве следственного действия. Поэтому предлагается дополнить ч. 4 ст. 46 УПК РФ п. 1.1: «Подозреваемый вправе от лица, осуществляющего уголовное преследование и суда получать разъяснения о порядке осуществления самостоятельной защиты».

Для исключения спорных ситуаций, связанных с обязанностью органов уголовного преследования обеспечивать право подозреваемого на дачу

показаний на ином языке, кроме русского, и право на предоставление переводчика, предлагается: изложить п. 6 ч. 4 ст. 46 УПК РФ следующим образом: давать показания и объяснения на родном языке или языке, которым он владеет и пользоваться помощью переводчика бесплатно, при условии, что установлен факт невладения русским языком в степени, необходимой для реализации своих прав, а п. 7 данной нормы исключить.

С целью четкого определения круга лиц, которым обязательно должен быть предоставлен защитник, предлагается п. 3 ч. 1 ст. 51 УПК РФ изложить в следующей редакции: «подозреваемый, обвиняемый, имеющий психическое расстройство, не исключающее вменяемости, а также страдающий существенным дефектом речи, слуха, зрения или другим недугом, ограничивающим его способность пользоваться процессуальными правами».

Также в целях совершенствования права на защиту внесены предложения о предоставлении подозреваемому возможности самостоятельно определить, кто должен осуществлять его защиту – адвокат либо близкий родственник, а также предусмотреть обязательный учет волеизъявления подозреваемого по вопросу допуска в уголовное дело конкретного защитника. В целях обеспечения реализации подозреваемым его прав, видится необходимо в ст. 46 должны перечислить все права подозреваемого, и все они должны разъясняться при введении лица в статус подозреваемого.

В целях исключения субъективизма при решении вопроса об отстранении законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого от участия в уголовном деле, предлагается в Постановлении Пленума привести исчерпывающий перечень оснований, по которым лицо не должно признаваться законным представителем несовершеннолетнего подозреваемого либо быть отстранено от участия в уголовном деле в качестве законного представителя. Данный перечень должен содержать такие основания как нежелание подозреваемого (обвиняемого) привлекать к участию в следственных действиях с ним законного представителя, наличие судимостей, признание лица гражданским ответчиком.

3.2 Права и обязанности подозреваемого при применении к нему мер процессуального принуждения

Анализ правоприменительной практики позволяет сделать вывод о том, что значительное количество нарушений прав подозреваемого происходит при применении к нему мер уголовно-процессуального принуждения. Проанализируем основные проблемы, возникающие при применении таких мер.

Достаточно часто применяется такая мера, как задержание, которая регламентируется в ст. 91 УПК РФ. Однако, вопросы обеспечения прав подозреваемого при его задержании были подробно рассмотрены в рамках анализа оснований введения лица в статус подозреваемого, в связи с чем, здесь нет необходимости еще раз акцентировать внимание на тех же вопросах.

Значительное количество вопросов, связанных с соблюдением прав подозреваемого, вызывает такая мера процессуального принуждения, как привод. Исполняется она на основе постановления о приводе, содержащего данные о лице, подвергаемом приводу, а также о местонахождении данного лица. При этом, механизм привода в ст. 113 УПК РФ регламентируется частично, а в остальном – ведомственными инструкциями тех органов, которые исполняют постановление о приводе. Также определенное правовое регулирование исполнения привода находит свое отражение в Федеральном законе «О полиции» [75], в части регламентации вопросов применения физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия, поскольку нормы уголовно – процессуального законодательства ничего не говорят по поводу того, каким образом можно осуществлять принудительное исполнение привода. Здесь нами видится целесообразным использование зарубежного опыта, в соответствии с которым детальная регламентация исполнения рассматриваемой меры уголовно – процессуального принуждения содержится именно в соответствующей норме УПК, где четко указывается на возможность применения мер физического воздействия в случае невыполнения лица,

подлежащего приводу, им законных требований сотрудника, его исполняющего [8, с. 73]. В то же время, пока такие изменения в УПК РФ не внесены, видится возможным применение норм ФЗ «О полиции», о чем свидетельствует и правоприменительная практика. К примеру, применение физической силы сотрудниками полиции при исполнении привода, признано законным в Чеченской области [55], Тверской области [59], в Саратовской области [58].

Наибольшего внимания заслуживает вопрос о том, возможно ли при исполнении привода проникновение в жилище. Если применительно к судебным приставам, осуществляющим привод по решению суда, данный вопрос урегулирован законодательно, то в отношении сотрудников полиции подобная законодательная регламентация рассматриваемого вопроса отсутствует, поскольку в ФЗ «О полиции» среди перечня ситуаций, когда сотруднику полиции предоставляется право на входение в жилище, исполнение постановления о приводе не указано.

Среди исследователей имеется мнение о том, что входение в жилище возможно лишь на основании ст. 165 УПК РФ по разрешению суда [30, с. 25], что видится логичным. Однако, практика свидетельствует, что здесь нередко допускаются правонарушения. Примером может являться проникновение сотрудниками полиции в дом подозреваемого Б. при исполнении его привода [66]. Представляется, что в данном случае, поскольку речь идет о конституционном праве граждан на неприкосновенность жилища, необходимо разрешить данный вопрос четко и ясно на законодательном уровне, для чего видится целесообразным в ст. 113 УПК РФ прописать, что при необходимости входения в жилище для исполнения постановления о приводе против воли проживающих в нем граждан должно быть получено разрешение суда по аналогии с разрешением на производство следственных действий в жилище.

Еще один проблемный вопрос – отсутствие четких сроков исполнения рассматриваемой меры процессуального принуждения, в связи с чем, вполне возможно нарушение прав подозреваемого, когда он доставляется к

следователю, дознавателю, не сразу после того, как фактически был исполнен привод и в ограничениях подозреваемый ограничен, а через определенное время, когда, например, сотрудники правоохранительных органов заезжают по другим делам в различные места. Такой подход видится не допустимым. Представляется, что следует согласиться с мнением О.А. Баландюк о необходимости дополнения ч. 5 ст. 113 УПК РФ положением о том, что продолжительность привода не может превышать необходимого для немедленного доставления лица к месту вызова времени.

Когда есть необходимость ограничить подозреваемого, обвиняемого в его профессиональных обязанностях в целях обеспечения беспрепятственного расследования и судебного разбирательства, возможно отстранить его от должности [20, с. 141]. Закон четко не определяет те обязанности и запреты, которые должны быть в данном случае установлены для лица, в отношении которого применяется данная мера процессуального принуждения, что может порождать субъективный подход и нарушать права подозреваемого. Совершенно справедливо по данному поводу исследователи отмечают, что в данном случае следует исходить из цели применения данной меры, а она состоит в том, чтобы подозреваемый не мог противодействовать расследованию, в связи с чем, предлагают запрещать общение с определенными коллегами, вести с ними переговоры, переписку [16, с. 122].

С данной позицией мы полностью согласны, но полагаем, что перечень таких запретов и ограничений должен быть существенно шире. В частности, сюда следует включить запрет на посещение подозреваемым, обвиняемым своего рабочего места, поскольку следует не допускать возможности доступа данного лица к документам, предметам, которые могут иметь значение для расследования. Чтобы избежать расхождений в судебной практике, а также создать у правоприменителей четкое представление о том, какие запреты и ограничения могут возлагаться на лиц в связи с данной мерой принуждения, следует их перечень закрепить в ст. 114 УПК РФ.

Еще один момент, на который, по нашему мнению, надлежит обратить внимание – это отсутствие сроков исполнения решения о временном отстранении от должности подозреваемого, лишь в методических рекомендациях можно обнаружить указание на то, что данное постановление должно исполняться незамедлительно. Мы здесь разделяем предложение О.А. Баландюк о необходимости указать в УПК РФ, что решение суда об отстранении от должности должно быть исполнено в течение трех суток [8, с. 73].

Еще одна проблема – отсутствие в законе положений о сроке длительности данной меры процессуального принуждения, в связи с чем, и суды не указывают данный срок в своих решениях, что порождает жалобы. В частности, подобная жалоба была подана в Верховный Суд Чеченской республики, в которой сторона защиты оспаривала решение суда как незаконное, поскольку в нем не указан срок, на который обвиняемый Б. отстранен от должности [22]. Аналогичная жалоба подавалась и во Владимирской областной суд [23]. Но данные жалобы не были удовлетворены вследствие отсутствия в законе указания на необходимость установления данного срока. Этот вопрос выступал и в качестве предмета рассмотрения в Конституционном Суде РФ, которым был сделан вывод, что отсутствие срока, на который применяется данная мера процессуального принуждения, не нарушает конституционных прав граждан [35]. Однако, в зарубежном праве имеются примеры установления конкретного срока избрания данной меры процессуального принуждения с возможностью последующего продления [8, с. 116]. Представляется целесообразным заимствовать данный опыт в национальное законодательство России, предусмотрев, что данная мера принуждения избирается на два месяца, при этом, данный срок может быть продлен. Таким образом, права подозреваемых будут соблюдаться более полно.

Нередко к подозреваемым применяется такая мера процессуального принуждения, как наложение ареста. В УПК РФ четкого указания на то, на

какое имущество возможно наложить арест, точнее, на то, какова должна быть его стоимость, должна ли она соотноситься с причиненным вредом и каким образом, не имеется. Однако, поскольку данный вопрос достаточно актуален, он не мог остаться без внимания и со стороны исследователей, и со стороны судебных инстанций. В результате, в 2011 году, разъяснение данного вопроса было дано Конституционным Судом РФ, указавшим, что, налагая арест на имущество, правоприменитель обязан обеспечить «разумную соразмерность между используемыми средствами и преследуемой целью с тем, чтобы соблюдался баланс конституционно защищаемых ценностей, и лицо не подвергалось чрезмерному обременению» [42]. Данное разъяснение, безусловно, было необходимым, и является справедливым, ведь действительно, вряд ли будет справедливым налагать арест на дорогостоящее имущество подозреваемого, обвиняемого, в том случае, когда вследствие его преступных действий ущерб причинен в гораздо меньшем размере [15, с. 27]. Когда разница в причиненном ущербе и имуществе, налагается арест, существенна (например, ущерб причинен на сумму 300 тыс., а имущество, на которое планируется наложить арест, стоит 3 млн. рублей), очевидна явная несправедливость такого подхода, и наложить в данном случае арест на указанное имущество будет невозможно. Когда же разница не столь очевидна (например, ущерб причинен на сумму 2 млн. 500 тыс. рублей, а арест планируется наложить на имущество стоимостью 3 млн. рублей, то здесь ситуация уже не настолько очевидна и возникает вопрос, возможно ли в таком случае наложить арест на указанное имущество подозреваемого, обвиняемого, не нарушит ли это его права. Примером соразмерности наложения ареста причиненному ущербу может являться уголовное дело по факту умышленного повреждения имущества путем поджога, совершенного Ш., ущерб составил 300000 рублей. Следователем было наложен арест на автомобиль подозреваемого стоимостью 230000 рублей [57]. Иным примером может являться уголовное дело по факту хищения транспортного средства, по которому ущерб, причиненный действиями А., составил 350000 рублей. Суд

обратился с ходатайством о наложении ареста на имущество А. – квартиру, стоимостью 1440000 рублей, суд отказал в данном ходатайстве в силу того, что стоимость имущества, на которое налагается арест, не соответствует размеру причиненного ущерба [61].

Имуществу присуще изменение его стоимости с учетом износа, однако, степень такого изменения у разного имущества может существенно различаться. Поэтому не следует налагать арест на такое имущество, которое может быстро изнашиваться и существенно терять в цене. Представляется, что вопрос о соотношении имущества, подлежащего аресту, и причиненного материального или морального вреда, должен быть разрешен законодательно, при этом, не общими фразами о том, что они должны быть «соразмерны», а четко и понятно, чтобы у правоприменителей не возникало проблем при решении данного вопроса. Здесь как проблему можно отметить и то, что нередко требования потерпевшего о компенсации морального вреда бывают завышены потерпевшим, и суд потом их существенно снижает, когда разрешает иск и определяет сумму, подлежащую возмещению. В этом случае получается, что дознаватель наложил арест на имущество, «несоразмерное» по стоимости. Например, потерпевший требует компенсацию причиненного ему морального вреда в сумме 2 млн. рублей, дознаватель накладывает арест на имущество на сумму 1,5 млн. рублей, суд присуждает компенсацию в размере 200 тыс. рублей. Однако, дознаватель лишен возможности определять, в какой сумме подлежит возмещение компенсации, поэтому, в данном случае мы каких – либо нарушений не видим. Предложения о том, как должны соотноситься исковые требования и стоимость имущества, подлежащего аресту, различны. Так, предлагается предусмотреть, что стоимость арестованного имущества не должна превышать сумму исковых требований в два раза [11, с. 26], в полтора раза [39, с. 96]. С нашей точки зрения, исчислять кратно данные размеры было бы неверно. Поскольку, к примеру, если сумма вреда оценена потерпевшим в 2 млн. рублей, даже полуторакратный размер будет существенно превышать сумму исковых

требований. Полагаем, что здесь необходимо предусмотреть, что стоимость имущества, подлежащего аресту, не должна превышать сумму заявленных исковых требований более чем на 200 тыс. рублей. Таким образом, будут в должной мере обеспечены права подозреваемого при наложении ареста на его имущество.

В наибольшей степени права подозреваемых ограничиваются в том случае, когда в отношении них избираются меры пресечения, выступающие разновидностью мер процессуального принуждения. Поэтому законом определены основные гарантии – наиболее строгие меры пресечения могут быть избраны исключительно по решению суда. Проанализируем особенности обеспечения прав подозреваемых при применении данных мер пресечения, к числу которых относятся запрет определенных действий, домашний арест, заключение под стражу и залог. Последняя мера пресечения может избираться исключительно по желанию подозреваемого, против его воли избрать залог невозможно. Это обусловлено тем фактом, что рассматриваемая мера пресечения является имущественной, и либо у подозреваемого должна быть финансовая возможность обеспечить данную меру пресечения, либо лицо, готовое внести за него залог. Остальные из перечисленных мер пресечения избираются против поли подозреваемого.

Решение об избрании рассматриваемых мер пресечения принимает суд на основании ходатайства следователя, согласованного с руководителем следственного органа, либо на основании ходатайства дознавателя, согласованного с прокурором. Неукоснительное соблюдение процессуальной формы представляет собой гарантию обеспечения прав подозреваемого, также как и состязательность в судебном заседании, когда решается вопрос об избрании меры пресечения. Высшая судебная инстанция разъясняет, что при принятии решений об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока ее действия судам необходимо обеспечивать соблюдение прав подозреваемого, обвиняемого, гарантированных статьей 22 Конституции Российской Федерации и вытекающих из статьи Конвенции о

защите прав человека и основных свобод» [47]. Нет никаких сомнений, что данное разъяснение касается абсолютно всех мер пресечения, избираемых в отношении подозреваемого. Соответственно, должно быть обеспечено как соблюдение общих конституционных прав (с некоторыми ограничениями, прямо предусмотренными законом применительно к каждой мере пресечения), так и прав подозреваемого, предусмотренных УПК РФ, в частности, таких, как право на защиту, право на переводчика, если подозреваемый не владеет языком судопроизводства, право на обжалование постановления об избрании меры пресечения и т.д. Подозреваемый и его защитник в процессе избрания меры пресечения вправе приводить обоснования, по какой причине не должна быть избрана в отношении подозреваемого обсуждаемая мера пресечения, заявлять ходатайства об избрании иной меры пресечения, и т.д.

Определенные гарантии вытекают из отдельных норм, регламентирующих ту или иную меру пресечения. Так, к примеру, избрание меры пресечения возможно только в том случае, когда невозможно избрать иную, более мягкую меру пресечения. По отношению к несовершеннолетнему подозреваемому четко определено, что такая мера пресечения может быть избрана при подозрении его в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, и только в исключительных случаях – при совершении преступления средней тяжести.

При избрании мер пресечения прежде всего соблюдение прав подозреваемых обеспечивается лицом, производящим расследование, поскольку именно оно принимает решение о том, есть ли основания для избрания меры пресечения, какую меру пресечения надлежит избрать. Также данное лицо обеспечивает соблюдение процессуального порядка избрания меры пресечения – составление надлежащим образом постановления об избрании меры пресечения, когда для этого достаточно инициативы следователя, дознавателя, или составление постановления о возбуждении

ходатайства об избрании меры пресечения перед судом, когда избрание меры пресечения возможно исключительно по решению суда.

Немаловажной гарантией прав подозреваемых является закрепленная в законе обязанность лица, производящего расследование, отменять меру пресечения, избранную в отношении подозреваемого, в том случае, когда в течение десяти суток ему не было предъявлено обвинение. Такой подход законодателя представляется вполне верным, поскольку, как правило, обвинение в указанный срок не предъявляют по причине отсутствия достаточных оснований для этого, то есть, достаточных доказательств вины. Соответственно, если нет оснований предъявить обвинение, фактически нет и оснований для ограничения прав подозреваемого, которые в той или иной степени все же имеют место при действии любой меры пресечения. Соблюдение прав подозреваемых при избрании мер процессуального принуждения обеспечивается и процессуальным контролем со стороны руководителя следственного органа, судебным контролем, активной позицией защитника.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы. Применение различных мер процессуального принуждения всегда в определенной степени ограничивает права подозреваемого, степень этого ограничения обуславливается характером самой меры принуждения. При этом, очень важно, чтобы не нарушались все те требования, которые закон предусматривает в качестве обязательных, направленных на обеспечение защиты прав подозреваемого. В то же время, нельзя обойти вниманием тот факт, что, если к мерам пресечения УПК РФ предъявляет четкие требования, позволяющие обеспечивать права подозреваемых, то законодательная регламентация мер процессуального принуждения далека от совершенства и не позволяет в полной мере подозреваемым реализовывать свои права.

Так, необходимо изменение правовой регламентации и иных мер процессуального принуждения. Так, в ст. 113 УПК РФ видится необходимым четко определить требование о получении судебного разрешения в порядке

ст. 165 УПК РФ, если для осуществления привода необходимо вхождение в жилище против воли проживающих в нем лиц; а также требование о том, что продолжительность исполнения привода не должна превышать времени, необходимого для доставления лица инициатору привода. Таким образом, будут обеспечены конституционные права подозреваемого на неприкосновенность жилища и ограничение свободы передвижения. Для того, чтобы обеспечить соблюдение прав подозреваемого при исполнении в отношении него временного отстранения от должности, следует четко установить законодательные запреты, которые должно соблюдать лицо, подвергнувшееся данной мере процессуального принуждения, а также предусмотреть избрание данной меры принуждения на срок до двух месяцев с возможностью последующего продления. Для того, чтобы обеспечить соблюдение имущественных прав подозреваемого при наложении ареста на его имущество, следует закрепить в УПК РФ четкие требования к стоимости имущества, подлежащего аресту, с учетом соразмерности с исковыми требованиями потерпевшего. Сейчас они не определены, по данному поводу имеются только разъяснения Конституционного суда РФ, которые также недостаточно четкие. Поэтому следует дополнить ст. 115 УПК РФ ч. 4.1. в следующей редакции: «Стоимость имущества, подлежащего аресту, не должна превышать сумму заявленных исковых требований более чем на 200 тыс. рублей».

Заключение

По итогам проведенного исследования сделаны следующие выводы.

Необходимо законодательно закрепить понятие подозреваемого, опираясь при этом не на основания введения лица в статус такового, а на содержание его правового статуса, обусловленного спецификой данного субъекта – постановкой его под подозрение, осуществлением в отношении него уголовного преследования в определенных пределах, ограниченных целью реализации данной деятельности, которая заключается в проверке выдвинутого подозрения и принятия решения либо о введении данного лица в статус обвиняемого, либо в прекращении в отношении него уголовного преследования.

Несмотря на то, что эволюция правового статуса подозреваемого продолжалась длительное время, расширялись основания введения лица в статус подозреваемого, представляется, что здесь имеются определенные недостатки. В частности, введя такое основание, как уведомление о подозрении, законодатель позволил использовать его ограничено – только в рамках дознания, а также создал ряд вопросов и противоречий, в частности, не предусмотрев право подозреваемого на получение данного уведомления в ст. 46 УПК РФ. Множество вопросов порождает и процессуальная природа данного акта. Если уголовное дело возбуждено в отношении лица, с этого момента оно является подозреваемым. Однако, если данное решение отменяется, то и статус подозреваемого утрачивается. Также представляется, что определенными правами должно обладать и лицо, которое еще в статус подозреваемого введено не было, но в отношении него проводятся процессуальные действия. С этой целью предлагается ввести в УПК РФ ст. 46.1, регламентирующую процессуальный статус лица, в отношении которого ведется проверка по сообщению.

Лицо может быть введено в статус подозреваемого путем его задержания в порядке ст. 91 УПК РФ, но оно возможно исключительно при

наличии для этого соответствующих оснований, перечень которых в законе является исчерпывающим, однако, возникают проблемы при определении иных данных, при наличии которых возможно задержание лица, совершившего преступление. При этом, основание задержания должно быть доказано в обязательном порядке. Также лицо может быть введено в статус подозреваемого путем избрания в отношении него меры пресечения, для этого необходимы основания, указанные в ст. 97 УПК РФ. Законодатель не предусмотрел основания для каждой конкретной меры пресечения, они являются общими, что порождает определенный субъективизм при решении следователя или дознавателя о том, какая же именно мера пресечения должна быть избрана, поэтому видится необходимым произвести определенную дифференциацию оснований для избрания разных мер пресечения в уголовно – процессуальном законодательстве, обеспечивая единообразное применение оснований избрания конкретных мер пресечения.

Представляется, что необходимо кардинально пересмотреть подход к понятию подозреваемого и к основаниям введения лица в данный статус. Уголовно-процессуальным законом предусмотрен достаточно широкий комплекс прав подозреваемого, которые он может реализовывать при производстве следственных действий. При этом, представляется, что действующий законодательный подход не обеспечивает в полной мере возможность их реализации, поэтому, видится необходимым предложить ряд изменений:

- ч. 1 ст. 46 УПК РФ изложить следующим образом: «Подозреваемым является лицо, в отношении которого вынесено постановление о признании подозреваемым. Основаниями вынесения данного постановления выступают достаточные данные о причастности лица к совершению преступления»;
- дополнить ст. 46 УПК РФ п. 1.1., в котором указать, что подозреваемый должен быть допрошен не позднее 24 часов с момента признания его подозреваемым и следующей

формулировкой: «Подозреваемый вправе от лица, осуществляющего уголовное преследование и суда получать разъяснения о порядке осуществления самостоятельной защиты»;

- в ч. 4 ст. 46 УПК РФ закрепить право подозреваемого на получение копии постановления о признании его подозреваемым;
- дополнить ст. 46 УПК РФ ч. 5, в которой привести требования к постановлению о признании подозреваемым, указав, что в нем должны содержаться те сведения, которые в настоящее время законодатель предусмотрел в ст. 223.1 УПК РФ, а также права и обязанности подозреваемого;
- изложить п. 6 ч. 4 ст. 46 УПК РФ следующим образом: давать показания и объяснения на родном языке или языке, которым он владеет и пользоваться помощью переводчика бесплатно, при условии, что установлен факт невладения русским языком в степени, необходимой для реализации своих прав, а п. 7 данной нормы исключить;
- п. 3 ч. 1 ст. 51 УПК РФ изложить в следующей редакции: «подозреваемый, обвиняемый, имеющий психическое расстройство, не исключающее вменяемости, а также страдающий существенным дефектом речи, слуха, зрения или другим недугом, ограничивающим его способность пользоваться процессуальными правами»;
- предоставить подозреваемому возможность самостоятельно определить, кто должен осуществлять его защиту – адвокат либо близкий родственник, а также предусмотреть обязательный учет волеизъявления подозреваемого по вопросу допуска в уголовное дело конкретного защитника;
- в ст. 46 должны перечислить все права подозреваемого, и все они должны разъясняться при введении лица в статус подозреваемого;
- в Постановлении Пленума привести исчерпывающий перечень оснований, по которым лицо не должно признаваться законным

представителем несовершеннолетнего подозреваемого либо быть отстранено от участия в уголовном деле в качестве законного представителя. Данный перечень должен содержать такие основания как нежелание подозреваемого (обвиняемого) привлекать к участию в следственных действиях с ним законного представителя, наличие судимостей, признание лица гражданским ответчиком.

Применение различных мер процессуального принуждения всегда в определенной степени ограничивает права подозреваемого, степень этого ограничения обуславливается характером самой меры принуждения. При этом, очень важно, чтобы не нарушались все те требования, которые закон предусматривает в качестве обязательных, направленных на обеспечение защиты прав подозреваемого. Предлагается ряд изменений в действующее законодательство. Представляется, что путем четкой процессуальной регламентации мер процессуального принуждения будут созданы и правовые гарантии обеспечения прав подозреваемых в том случае, когда к ним применяются данные меры.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Абдуллаев Р.И.О. Процессуальные права подозреваемого // Научное сообщество студентов. Междисциплинарные исследования. Электронный сборник статей по материалам XXII студенческой международной научно-практической конференции. 2017. С. 463.
2. Абзалиев И.М. Уведомление лица о подозрении в совершении преступления в уголовном процессе России // Альманахъ молодых ученых. Сборник научных статей. Нижний Новгород, 2021. С. 93.
3. Азаренок Н.В. Предъявление обвинения и уведомление о подозрении в уголовном процессе // Российский следователь 2013. № 7. С. 16.
4. Алешина С.А. Круг участников уголовного процесса с неопределенным процессуальным статусом на стадии возбуждения уголовного дела // Право и государство: теория и практика. 2013. № 2 (108). С. 90.
5. Антонов И.М. Избрание мер пресечения в отношении подозреваемого // Вестник Владимирского государственного университета. 2016. № 3. С. 31.
6. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 25 сент. 2013 г. № 85-АПУ13-12СП. // СПС «КонсультантПлюс».
7. Байбиков Р.Р. Недопустимые методы допроса: регламентация по Уголовно-процессуальному законодательству России и зарубежных стран // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 1. С. 110.
8. Баландюк О.В. Исполнение мер уголовно-процессуального принуждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск. акад. МВД России, 2015. С. 73.
9. Барабаш А.С. Цели и основания избрания меры пресечения в уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12. С. 185.

10. Бодикова М.А. Процессуальный статус участников стадии возбуждения уголовного дела: проблемы и пути решения // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2018. № 4 (18). С. 124.

11. Булатов Б.Б., Борбат А.В., Дежнев А.С. Наложение ареста на имущество других лиц в целях обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска // Российский следователь. 2019. № 8. С. 26

12. Володина Л.М. Уголовное судопроизводство: право на справедливую и гласную судебную защиту. / Л.М. Володина, А.Н. Володина. - Москва : Юрлитинформ, 2010. 230 с.

13. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г. // Российская газета. 1998. 10 декабря.

14. Гарипова Р.А. Меры пресечения: закон и практика // Символ науки. 2016. № 1-3. С. 136.

15. Дело Боржонов (Borzhanov) против Российской Федерации: Постановление ЕСПЧ от 22 января 2009 г. // Российская хроника Европейского суда. 2010. № 4. С. 24-36.

16. Задерако К.В. Иные меры процессуального принуждения: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 195 с.

17. Зайцев О.А., Смирнов П.А. Подозреваемый в уголовном процессе. М. : Экзамен. 2005. С. 38.

18. Ивлев Г.А. Проблемы уголовно – процессуального задержания // Вестник Владимирского государственного университета. 2015. № 7. С. 19.

19. Карнеева Л.М. Подозреваемый в советском уголовном процессе // Социалистическая законность. 1959. № 4. С. 36.

20. Карошко Ю.С. Вопросы временного отстранения от должности // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2014. № 6 (6). С. 141.

21. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15 июня 2016 года по делу № 58-о06-1 // СПС «КонсультантПлюс».

22. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Иркутского областного суда от 14 мая 2012 года по делу № 22-2136/09. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.03.2023).

23. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Иркутского областного суда от 08 июня 2011 года по делу № 22-2271/11. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.03.2023).

24. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 30 октября 2016 года по делу № 49-о06-21 // СПС «КонсультантПлюс».

25. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 28.02.2023) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (Ч. 1). Ст. 1.

26. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: Принята 4 ноября 1950. // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

27. Конвенция против пыток или бесчеловечного, или унижающего достоинство обращения или наказания, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1984 года (вступившая в силу 26 июня 1987 г.) // <http://www.un.org>.

28. Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

29. Кругликов А.П. Уголовный процесс: учебник для бакалавров. М. : Норма, 2015. 688 с.

30. Лапин Е.С. Принципы осуществления привода в уголовном процессе // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 1. С. 25.

31. Международный пакт о гражданских и политических правах: Принят резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12. С. 5-11.

32. Михайлов А.В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. - М. : Экзамен, 2002. 764 с.

33. Нестерова Т.Н. Задержание как мера процессуального принуждения, применяемая к несовершеннолетнему подозреваемому // Вестник Юридической клиники: материалы круглого стола «Молодежная политика государства в условиях формирования гражданского общества и правового государства». Волгоград, 2009. С. 56.

34. Обзор Следственного департамента МВД России «О практике избрания мер пресечения органами предварительного следствия». М., 2019. 28 с.

35. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20.11.2014 № 2544-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Быченко Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав положением статьи 114 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

36. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 апреля 2016 г. № 710-О. «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Ю.С. Цой на нарушение ее конституционных прав п. 6 ч. 4 ст. 47 УПК РФ» // СПС «КонсультантПлюс».

37. Отказной материал, зарегистрированный в КУСП № 13241 от 11 марта 2018 года // Архив ОМВД России по Ставропольскому району г. Тольятти.

38. Павлов А.В. Развитие правового статуса подозреваемого в уголовном судопроизводстве России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 1 (44). С. 36.

39. Павлюк Д.В. Понятие и сущность наложения ареста на имущество // Российское правосудие. 2020. № 4. С. 96.

40. Пимонов В.Б. Обеспечение права подозреваемого (обвиняемого) на использование помощи переводчика // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 1 (43). С. 32.

41. Пономаренко С.И. Статус подозреваемого в уголовном процессе дореволюционной России // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 4-2. С. 48.

42. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2011 года № 1-П // СПС «КонсультантПлюс».

43. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11 N -П по делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова // СПС «ГАРАНТ».

44. Постановление Конституционного суда РФ от 27 июня 2000г. № 11-П по жалобе гр. Маслова Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-N-П по делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова // СПС «ГАРАНТ».

45. Постановление Первоуральского городского суда Свердловской области от 19 мая 2018 года по делу № 1 – 39/ 2018. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.03.2023).

46. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01. 02. 2011 № 1 (ред. от 28. 10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 4.

47. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (в ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // Российская газета. 2013. 27 декабря. № 294.

48. Предварительное следствие: учеб. для вузов / под ред. М.В. Мешкова. - М. : Юнити-Дана : Закон и право. 2012. 514 с.

49. Приговор Железнодорожного городского суда Свердловской области от 12 марта 2018 года по делу № 1-31/2018. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.03.2023).

50. Приговор Комсомольского районного суда г. Тольятти от 10 октября 2019 года по делу № 1-101/2019. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.03.2023).

51. Приговор Комсомольского районного суда г. Тольятти от 16 апреля 2017 года по делу № 1-43/2017. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.03.2023).

52. Приговор Комсомольского районного суда г. Тольятти от 26 августа 2020 года по делу № 1-82/2020. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.03.2023).

53. Приговор Комсомольского районного суда г. Тольятти от 28 января 2019 года по делу № 1-11/2019. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.03.2023).

54. Приговор Кузьминского районного суда г. Москвы от 24 мая 2019 года по делу № 1-55/ 2019. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.03.2023).

55. Приговор Ленинского районного суда г. Грозный от 11 марта 2015 года по делу №1-37/2015. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.03.2023).

56. Приговор Ленинского районного суда г. Екатеринбурга от 12 июня 2018 года по делу № 1-62/2018. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.03.2023).

57. Приговор Ленинского районного суда г. Екатеринбурга от 21 октября 2018 года по делу № 1-113/2018. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.03.2023).

58. Приговор мирового судьи судебного участка № 2 Татищевского района Саратовской области от 22 октября 2014 года по делу № 1-50/2014. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.03.2023).

59. Приговор Московского районного суда г. Твери от 26 ноября 2014 года по делу №1249/2014. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.03.2023).

60. Приговор Октябрьского районного суда г. Екатеринбурга от 18 апреля 2020 года по делу № 1-43/2020. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.03.2023).

61. Приговор Центрального районного суда г. Тольятти от 10 ноября 2019 года по делу № 1-119/2019. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.03.2023).

62. Приговор Центрального районного суда г. Тольятти от 11 апреля 2021 года по делу № 1-41/2021. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.03.2023).

63. Приговор Центрального районного суда г. Тольятти от 20 марта 2019 года по делу № 1-39/2019. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.03.2023).

64. Приговор Центрального районного суда г. Тольятти от 26 мая 2019 года по делу № 1-54/2019. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.03.2023).

65. Приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 «О едином учете преступлений» (ред. от 15.10.2019) // Российская газета. 2006. 25 января. № 13.

66. Решение Агинского районного суда Забайкальского края от 19 декабря 2014 года по делу № 33-761/2015. URL: <https://sudact.ru/>.

67. Россинский С.Б. Дискуссия о сущности и правовой природе задержания подозреваемого продолжается // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 6 (91). С. 135.

68. Руденская Н.А. Правовой механизм обеспечения прав подозреваемого // Уголовно процессуальный кодекс Российской Федерации: достижения и проблемы применения. Курск, 2019. С. 176.

69. Самсонова Т.А. Уведомление о подозрении в совершении преступления как способ придания статуса подозреваемого // Вестник науки. 2019. Т.1. № 1 (10). С. 119.

70. Середина М.И. Обеспечение прав подозреваемого и обвиняемого как реализация назначения уголовного судопроизводства // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2016. № 34. С. 134.

71. Смолькова И.В. Уведомление о подозрении в совершении преступления как основание признания лица подозреваемым // Академический юридический журнал. 2020. № 1 (79). С. 29.

72. Сопнева Е.В. Процессуальные права подозреваемого: настоящее и перспективы // Вестник Орловского государственного университета. 2019. № 6 (14). С. 38.

73. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // Ведомости Федерального Собрания РФ. 2002. 01 июня. № 1. ст. 1.

74. Федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ (в ред. от 29.12.2022) «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений // Российская газета. 1995. 20 июля.

75. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (в ред. от 06.02.2023) «О полиции»// Российская газета. 2011. 8 февраля. № 25.

76. Федеральный закон Российской Федерации от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ (в ред. от 31.07.2020) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

77. Федорова И.А. Регулирование процессуального статуса уголовно преследуемого лица в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2018. № 3. С.18.

78. Харзинова В.М. Актуальные проблемы задержания лица в качестве подозреваемого // Теория и практика современной науки. 2016. № 9 (15). С. 372.

79. Цоколова О.И. Меры уголовно-процессуального принуждения, состоящие в изоляции подозреваемого, обвиняемого: Монография. М. : ВНИИ МВД России. 2008. 356 с.

80. Чупилкин Ю.Б. Гарантии прав подозреваемого в российском уголовном процессе: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Краснодар, 2001. 23 с.

81. Шумилова Т.Н. Уведомление о подозрении в совершении преступления: форма и содержание // Законодательство и практика. 2021. № 1 (46). С. 27.